

Михаил Николаев

ПРОФЕССИОНАЛЫ



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Николаев

Профессионалы

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Николаев М. П.

Профессионалы / М. П. Николаев — «Издательство АСТ»,
2020 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-119403-1

Третья мировая война от которой на протяжении более полувека цивилизация каким-то образом удерживалась, всё-таки началась. Как и обе предыдущие – с провокации. Для кого-то внезапно, для других ожидаемо. Как она изменит расклад сил на мировой арене? Что будет с Россией? И смогут ли склонить чашу весов два отставных офицера, если они являются профессионалами? Есть такая профессия – Родину защищать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-119403-1

© Николаев М. П., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть 1. Чёрные полковники	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Николаев

Профессионалы

© Михаил Павлович Николаев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Все персонажи и события являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Делай, что должен, и свершится, что суждено.
Марк Аврелий

Часть 1. Чёрные полковники

Колонну возглавлял «Леопард 2A6NL». «Вживую» Павел видел его впервые. Сейчас, жадно заглатывая шоссе тусклыми лентами стальных гусениц, тяжёлый шестидесятитрёхтонный танк выглядел не массивным, как на фотографиях, а упруго скользящим стремительным хищником, полностью соответствующим своему звериному имени. Навскидку скорость приближающегося танка не превышала пятидесяти километров в час, поэтому при стрельбе с опушки протянувшегося вдоль широкой обочины лесного массива требовалось не слишком большое упреждение – для попадания в тюнер башни нужно было целиться в основание ствола. Павел снял защитный колпачок с наконечника тандемного боеприпаса и, привстав из-за камня, положил ствол гранатомёта на ветку стоящей на опушке невысокой берёзы – хоть какой-то упор, позволяющий уравновесить тяжесть удлинённой гранаты. Да и от наблюдателей, а их в колонне просто не может не быть, берёза хоть немножко прикроет.

Выиграть в противостоянии с одним из самых совершенных в мире танков он мог, но только сразу выведя «Леопарда» из строя. Второй попытки тот бы ему просто не дал. А для этого требовалось загнать гранату в единственное гарантированно уязвимое для неё место – борт башни, причём, желательно не в обитаемый отсек, а в снарядную укладку. Павел читал, что благодаря заднему вышибному листу даже это может не оказаться для «Леопарда» смертельным, но в Сирии башни срывало успешно, почему бы и тут не свезло? Там, правда, использовали «Фаготы», да и «Леопарды» были не шестой модификации, а четвёртой, но РПГ-7 тоже не фунт изюму, а тандемная кумулятивная граната «Резюме», выпущенная почти в упор, просто обязана наделать недетского шороха. Только вот тяжёлая, зараза. Без упора не очень-то постреляешь.

Улучив момент, когда танк оказался прямо против него и расстояние сократилось до сорока метров, Павел отжал предохранитель и аккуратно надавил на спусковой крючок.

Позиция была демаскирована дымом от стартового выхлопа, поэтому Павел сразу после выстрела рванул назад и вправо. Взрывная волна (попал!) достала его уже в прыжке, развернув и нехило приложив спиной о ствол сосны (хорошо, что на сучок не напоролся, иначе на этом для него всё и закончилось бы). Экспрессивно помянув матушку сосны, так некстати прервавшей его полёт, Павел пробежал по лесу ещё несколько десятков метров и вновь приблизился к обочине. Он заранее устроил там вторую лёжку и припас несколько необычных выстрелов к РПГ.

Раздвинув ветки, Павел осторожно выглянул на шоссе. Башня, сорванная с «Леопарда», смяла две БМП SV90, надёжно перегородив проезжую часть. Движение колонны застопорилось. Два «Леопарда» четвёртой модификации и больше десятка БМП сбились в кучу. А из-за перегиба шоссе продолжали выкатываться всё новые и новые машины. Ситуацию нужно было срочно усугубить, и Павел одну за другой запустил прямо в гущу бронетехники все три термобарические гранаты. По идее, для противопульной брони боевых машин пехоты с запасом хватило бы и обычных кумулятивных гранат, но Павел понимал, что сделать больше нескольких выстрелов подряд абсолютно нереально – одна прицельная очередь из сорокамиллиметровой автоматической пушки, и с ним будет гарантированно покончено. А несколько продырявленных БМП – это эффективно, но явно недостаточно эффектно. Павлу нужно было вызвать панику, и три взрыва объёмно-детонирующей смеси управились с этой задачей наилучшим способом. Шоссе заволочло дымом от горящих машин, и можно было на какое-то время забыть о прицельной стрельбе. Но с опушки нужно убираться, причём, срочно. Сначала по ней будут стрелять из всего подряд, а потом там будет не протолкнуться от егерей, десантировавшихся из уцелевшей бронетехники. И Павел, прихватив горячую трубу РПГ-7, побежал в глубину леса, опять-таки забирая немного к западу, чтобы сместиться ближе к хвосту колонны.

* * *

Ближняя ретроспектива (за 8 часов до боя)

Начало сентября 2019 года выдалось на удивление тёплым, но в эту ночь хлестал затяжной ливень, извергший на лес бесчисленные тонны воды, поэтому Павел утром не пошёл, как планировал с вечера, за грибами, а остался на садовом участке. Нужно было убрать в погреб картошку, разложенную на просушку в гараже, который был устроен в цоколе дома, чем они и занялись с женой с самого утра. Павел ссыпал картофель в ящики и подавал их в люк, а Лена, в юности занимавшаяся баскетболом и до сих пор не растерявшая форму, принимала их и составляла на стеллажи.

Не то что бы без этой картошки они голодали – полковничья пенсия была немаленькой, да и периодические привлечение в качестве консультанта денег в семейный бюджет подкидывали вполне ощутимо, но они с Леной уже привыкли летом питаться с огорода, да и на осень запастись некоторое количество. Своя картошка всяко вкуснее и полезнее магазинной.

Подав вниз очередной ящик, Павел осторожно распрямил спину: пятьдесят восемь лет – это ещё не старость, но поднимать тяжести внаклонку уже противопоказано. Подойдя к открытой створке ворот, он прислушался. Издалека слышались раскаты грома. Только вот что-то в этих звуках ему не нравилось. Какая-то необычность. Может и не гром, а взрывы? Но у взрывов звук короче, отрывистой.

Неожиданно погас свет. В грозу это иногда случалось, но сейчас не ощущалось даже малейших порывов ветра. Небо было плотно затянуто белыми перистыми облаками, подсвечиваемыми с востока зарницами молний. Молний ли?! Понимание происходящего уже прямо-таки стучалось в сознание, но рассудок сопротивлялся, оттягивая неизбежное. Наконец, картинка в голове сложилась. Это, действительно, были взрывы. Вот только не обычные взрывы, а термоядерные...

Захлопнув створку гаражных ворот, Павел задвинул тяжёлый засов, ссыпался в люк погреба и хлопнул за собой крышку.

– Ты чего? – удивилась жена, – сначала свет пропал, а потом ты скачешь как молоденький козлик! Грозы испугался?

– Подожди, – Павел на ощупь нашёл на стеллаже электрический фонарик, включил его и, опрокинув на пол прислонённую к бетонной стене спинку, оставшуюся от старого дивана, потащил Лену к ней.

– Садись. Это не гроза, а война.

– Какая ещё война?!

– Третья мировая. Питер бомбят.

– Да не может такого быть! Ты просто меня пугаешь, – Лена попыталась встать, но Павел удержал её.

В этот момент в щели по периметру люка вспыхнул ослепительный свет.

– Открой рот и не закрывай, что бы ни случилось, – приказным тоном потребовал Павел, – все вопросы потом.

Будучи офицерской женой, Лена знала, что в некоторых ситуациях нужно просто выполнять указания мужа и помалкивать. Что сейчас именно такой случай, она по его тону поняла мгновенно, поэтому послушно открыла рот. В этот момент пол резко ударил по ногам и начал раскачиваться. Если бы Павел не держал жену за плечи, плотно прижимая к себе, она бы упала. А потом по ушам приложило настолько мощным гулом, что только открытые рты спасли обоих от разрыва барабанных перепонки.

– Что это было? – спросила Лена в наступившей тишине.

– По ракетчикам ударили. Тактическим боеприпасом. Тут километров семь по прямой.

– А тактический боеприпас это много?

– Ну, примерно, как сбросили на Хиросиму. Может быть, вдвое побольше. А может, и втрое.

– И что теперь делать?

– Полезли наверх, посмотрим, что там с домом и машиной.

Дом, разумеется, уцелел. Разве что стёкла все до одного вышибло, мебель повалило, да с трубы сорвало жестяную крышку. А что ему будет, если цоколь бетонный, стены кирпичные, а кровля покрыта профнастилом? Старым ещё, который делали из оцинкованного железа, а не из жести. А вот, что ворота в гараже устояли, и с машиной ничего не случилось – это было, действительно, удивительно. От теплицы остались одни воспоминания, яблони частично поломало и обтрусил, да пара вывороченных с корнем берёз легла на забор. Ну и «домик неизвестного архитектора» (в просторечии – сортир) повалился на бок. Вот и все разрушения.

Соседям повезло меньше. Удачно вышло, что никого из них в это утро не было в саду. Щитовые домики снесло напрочь. От них остались лишь фундаменты. На коттедже, сложенном из аккуратных цилиндрических брёвнышек, весело пылала ондулиновая кровля. Судя по активности, с которой пламя набирало силу, тушить коттедж было уже бесполезно. Хорошо, что лес за ночь промок качественно. Иначе вокруг уже была бы зона сплошного пожара. А так от крон только валил пар.

Облака разметало, и на юго-востоке чётко просматривалась упирающаяся прямо в небо гигантская ядерная поганка, шляпка которой продолжала пухнуть и расплываться в стороны. Павел не ошибся в своих предположениях – это прилетело ракетчикам. Пожалуй, килотонн пятьдесят, не меньше. Там, в радиусе нескольких километров, теперь зона сплошных разрушений. И никого не осталось в живых. А совсем рядом полигон строителей. Хорошо, что уже сентябрь и они все в городе. Все ли? И что сейчас творится в Питере? Гремело там изрядно, и сейчас горизонт с той стороны представляет собой сплошную чёрную кляксу.

Павел решил: с тем, что происходит в городе, да и в стране в целом, можно будет определиться потом, а сейчас следует решать сиюминутные задачи. И первое, о чём следует позаботиться, это питьевая вода. Но прежде всего надо было озадачить жену, чтобы ей всякие мысли не лезли в голову.

– Лена, выметай битые стёкла, а я пока на родник за водой съезжу. Да, возьми в верхнем ящике комода стамеску и вытащи штапики. Только не выбрасывай. Я потом ими поликарбонат закреплю, который мы приготовили для новой теплицы. Стёкла теперь, подозреваю, ещё очень долго будут в большом дефиците.

Павел собрал все пластиковые канистры, в которых возил воду из города (колодезная была скорее технической – слишком много железа), пятилитровые бутылки из-под бутилированной воды, подумав, взял ещё и большую сорокалитровую канистру, которую всё не доносили руки выбросить. Покидал всё в салон и багажник. Совсем уже собрался выезжать, но вернулся за бензопилой – на дороге, скорее всего, имеются поваленные деревья.

Теперь одеться. Спортивные штаны можно оставить. Их не жалко, есть в запасе ещё несколько.

Сверху – флотскую тёмно-синюю полушерстяную курточку (вот раньше форму шили – сколько лет прошло, а ей сносу нет). На ноги резиновые сапоги, на голову – кепи. Ну и, на всякий случай, ещё плащ-накидку – приближающееся облако может осыпаться радиоактивным пеплом. Камуфляжную армейскую плащ-накидку ему подарил старый знакомый, вышедший в запас несколько лет назад. Ему на вещевом складе выдали пятый рост, вместо второго. Других просто не было в наличии. Павлу, рост которого составлял сто девяносто сантиметров, она оказалась как раз впору.

На пути к роднику действительно пришлось трижды останавливаться и пилить лежащие поперёк дороги деревья. А вот родник журчал так мирно и по-домашнему, как будто в мире совсем ничего не изменилось. И вода из пластиковой трубы пока ещё бежала чистая...

Павел наполнял третью канистру, когда услышал звук автомобильного мотора...

Из подъехавшей серебристой «Хонды» неторопливо выбрался коренастый широкоплечий мужчина лет пятидесяти с коротким ёжиком тронутых сединой волос. Павел видел его пару раз раньше, но так до сих пор и не познакомился.

– Кто последний за водой? – вежливо осведомился крепыш.

– За мной занимайте, – поддержал шутку Павел.

– Северный флот, подводник? – поинтересовался мужчина, с первого взгляда отметивший курточку и выглядывавший из-под неё треугольник чёрно-белой тельняшки.

– Северный флот. В прошлом, естественно. Но не подводник, а строитель. А вы плавостав? – уточнил Павел, также отметивший тёмно-синие полосы на тельняшке своего визави.

– Нет. Морская пехота. Это из старых запасов тельняшка. Сейчас у нас тоже с чёрными полосами. Разрешите представиться? Полковник запаса Олег Михайлов. Последняя должность – начальник штаба 810-й отдельной бригады морской пехоты. Черноморский флот. Уволен в запас в 2011 году по сокращению штатов.

– Полковник запаса Павел Смирнов, – отрекомендовался Павел. – На Северном флоте занимался спецобъектами, а потом, уже здесь, руководил отделом в Научно-исследовательском центре. Уволен в запас также в 2011-м. И по той же статье. Да, мощно Сердюков тогда российское офицерство прополосал. Как вам, кстати, довелось сегодня уцелеть?

– Давай на ты! В парилке с женой пересидели. От дома остался один цоколь, а баньке хоть бы хны.

– А мы в погребе. Какие планы?

– В Питер сейчас соваться нечего. – Олег на несколько секунд задумался, сделав небольшую паузу. – Военкомата там, скорее всего, уже нет, да и не нужны мы в городе никому. Пока тут планирую остаться. Надо срочно обзаводиться оружием. Скоро мародёры полезут отовсюду. Нет по этому поводу никаких соображений? Я тут человек новый – участок только в прошлом году купил, поэтому «рыбных» мест пока не знаю.

– Как не быть? Есть соображения. На полигоне строителей есть оружейка. Но она расположена менее чем в двух километрах от эпицентра взрыва, которым приложили ракетчиков.

– Да, там сейчас жарковато. А не снесло её к чёртовой бабушке?

– Не должно. Её оборудовали в старом бетонном каземате, который остался ещё от форта Ино. Как раз в расчёте на подобный случай. Так что, скорее всего, там всё в целости и сохранности. Но я на своём «Акценте» туда точно не сунусь. Это ведь зона сплошных разрушений, а он у меня не танк. Да и на твоей машине не проехать.

– А знаешь, танк под рукой как раз есть. У моего соседа в гараже стоит «Тойота Тундра». Не совсем танк, конечно, но по проходимости ему мало уступает. И увезти на ней можно чёрта.

– Это меняет дело. А сосед возражать не будет?

– Ему уже всё равно. Он во дворе был в момент взрыва. Надо будет похоронить мужика.

– Похороним. Давай тогда, набирай воду и подъезжай ко мне на «Тойоте». Вон моя крыша блестит, видишь? Только оденься соответственно, и не торопись особо. Всё равно, раньше чем через три часа после взрыва туда лезть не следует – слишком много короткоживущих изотопов. Подождём, пока распадётся большая часть. Хорошо бы, вообще, пару дней подождать, но боюсь, что тогда уже будет поздно. Я ведь не один знаю про эту оружейку.

– Хорошо, подъеду через часик.

Жена встретила Павла вопросом:

– Слушай, Паша, у меня мобильник сеть вообще не показывает, можно я позвоню с твоего? Надо ведь узнать, как там дети.

– Лена, очнись, сети больше нет. Вообще нет. Так что выключи свой мобильник, может, потом, как фонарик его используешь. Никакой другой пользы от твоего смартфона больше не будет. Вот мой «Дискавери» можно ещё использовать как рацию. Если найти другой такой же. Ну, или в качестве кастета. А с детьми нормально всё. Что им сделается на хуторе под Самарой в гостях у свёкра? Нет там целей для ядерных зарядов. Так что не волнуйся за них. Давай сделаем йодную профилактику и будем закрывать оконные проёмы. Как бы нам в дом не насыпало радиоактивного пепла. А потом я с товарищем отъеду на пару часов. У нас неожиданно образовалось срочное дело.

Ничего объяснять не пришлось. Что для предотвращения попадания в организм радиоактивного йода следует самостоятельно добавить туда обычного, Лена знала. Но вот предложенный ей пероральный способ его введения (накапать в стакан воды) Павел забраковал категорически. И порекомендовал изыскать ватные палочки и нанести ими сетки на предплечьях и голенях. Через кожу йод впитается не менее эффективно, но медленнее, без кумулятивного удара по внутренним органам.

Окна, предварительно очищенные Леной, они заделали быстро. Отмеряли и резали поликарбонат, вставляли на место и крепили старыми штапиками. Не потребовалось ни одного нового гвоздя.

К тому моменту, когда Олег заехал за Павлом, радиоактивное облако, медленно смещавшееся в восточном направлении, уже исчезло из поля зрения. Но откуда-то с северо-запада наползало ещё одно. Пройдёт оно мимо или заденет краем садоводство, пока было не ясно.

В поношенном общевоинском защитном комплекте невысокий коренастый Олег ещё более округлился и выглядел сказочным грибком-боровичком. Познакомив напарника с женой, Павел начал переодеваться в дорогу. В его гардеробе подобной «роскоши», как ОЗК, никогда не водилось (не рыбак), поэтому ему пришлось ограничиться сапогами-болотниками и армейской плащ-накидкой. Зато у него в хозяйстве имелось несколько респираторов, одним из которых он поделился с компаньоном. А заодно и хозяйственные резиновые перчатки не забыл прихватить. Они, хоть и потоньше, чем штатные перчатки ОЗК, но от альфа- и бетаизлучений должны защитить. Вот только сразу натягивать не стал – больно уж сильно в них руки потеют.

Когда он в таком виде предстал перед Леной, та расхохоталась:

– Ребята, вы знаете, как сейчас выглядите? Дон Кихот с Санчо Пансой, которые собрались ловить лягушек в пруду!

– Ну, хорошо хоть, что не Дуремаром назвала, – пошутил Павел и сам рассмеялся, поняв по глазам и мимике жены, что второе сравнение является куда более точным.

Продолжив сборы, Павел прихватил и бензопилу, предварительно дозаправив её из стоящей в гараже пятилитровой канистры, сваренной из нержавеющей стали. Прикинул по весу, что в ней осталось ещё немножко больше половины. Как бы не пришлось вскоре переходить на двуручную пилу! Погрузив инструменты (фомка тоже пригодится) в «Тундру», он забрался на широкое переднее сиденье и захлопнул за собой дверь.

На Приморское шоссе выбрались достаточно быстро – всего дважды останавливались для того, чтобы убрать с дороги упавшие деревья. Выехав на шоссе, Олег переключил тумблер вентилятора на замкнутый цикл – им предстояло проехать вблизи эпицентра, и прибавил газу. Вскоре они выехали на оплавленное асфальтовое покрытие, топорщащееся застывшими пузырями. Лишённые листвы и хвои деревья полегли кронами к дороге с правой стороны и вывороченными корнями – с левой, но проезд не затруднили – обочина была достаточно широкой.

Остановив машину перед закрытыми воротами КПП, Олег вопросительно посмотрел на Павла.

– Сейчас открою, – ответил тот на невысказанный вопрос, надевая респиратор и натягивая перчатки. Подойдя к воротам, Павел размотал цепь и, просунув руку через решётку, отодвинул задвижку. С натугой распахнув створки ворот, он не полез обратно в салон, а зашёл в

помещение пропускного пункта. Назад он вышел с двумя противогазными сумками в руках. Затворив ворота после въехавшей в них машины, Павел забрался в салон и протянул одну из сумок Олегу.

– Надевай прямо сейчас. Альфа-частицы являются наименее опасными для человека только до тех пор, пока бомбардируют его снаружи, через одежду. Но если радиоактивную пыль вдохнуть в лёгкие, то они обеспечат такую дозу облучения, что мама не горюй.

– Я в курсе, нам рассказывали.

– Вам рассказывали, а я это всё на собственной шкуре испытал. Есть в губе Андреева флотский радиоактивный могильник, так мы там работали без противогазов. А потом у всех были проблемы. Так что надевай прямо сейчас и не выпендривайся.

Дальше ехали медленно. Павел осуществлял стратегическое руководство (показывая, где и куда поворачивать), а Олег взял на себя тактические вопросы (как именно перебраться через конкретный завал). Добравшись до полузасыпанного землёй бетонного сооружения, они остановили машину, и вышли наружу. Дверь была самой обычной, деревянной и достаточно старой. А вот навесной замок не имел ничего общего со старыми амбарными чудовищами, которые можно было открыть изогнутым гвоздём. Он был вполне современным, в противовандальном исполнении. Олег повернулся к Павлу и развёл руками, мол, что будем делать? Тот пробурчал в ответ:

– Смотри и учись, пока я жив.

Вставив фомку в дужку замка, Павел повернул её в сторону, навалился всем телом. Изогнувшиеся петли немножко выдвинулись наружу, но дальше не пошли.

– Сейчас, – прервал бесполезное занятие Павел, – подожди немножко, надо нарастить фомку. Я где-то тут видел кусок трубы.

Полутораметровый отрезок трубы, надетый на фомку, быстро решил проблему. Рычаг, он и в Африке рычаг. Петли послушно вылезли наружу, и дверь распахнулась настежь.

– Ну, что встал, пошли, – поторопил Павел напарника и, включив электрический фонарик, шагнул в подземелье. Олег буркнул под противогазом что-то неразборчивое и двинулся следом. Длинный коридор уходил глубоко в недра холма. По правой стороне располагались проёмы, ведущие в хранилища. Отойдя подальше от двери, они сняли противогазы. Освещение, естественно, не работало, фонарика Олег с собой не захватил, поэтому вынужден был повсюду следовать за Павлом, который последовательно обходил помещения, нигде не задерживаясь более чем на минуту. У Олега создалось впечатление, что Смирнов уже бывал тут раньше и теперь просто демонстрирует ему наличие вооружения.

Ближнее к входу помещение, по-видимому, предназначалось для чистки и смазки оружия. Там стояло несколько столов, окружённых табуретами, ящики с ветошью, шкаф с маслёнками. У торцевой стены был смонтирован пулеуловитель. А вот дальше... Чего там только не было! Металлические шкафы с автоматами и ручными пулемётами разных систем. Стеллажи с ящиками патронов, длинные ящики-футляры с ручными гранатомётами, огромный выбор гранат. В отдельном хранилище стояли пирамиды с винтовками и целый стеллаж с патронами для них. Единственное, чего так и не смог обнаружить Олег, это пистолеты. Видимо они хранились где-то в другом месте. А вот противогазы (современные, без хобота) были. И несколько комплектов ОЗК.

– Ну как? – обратился Павел к коллеге, когда первоначальный осмотр был закончен. – Что будем брать?

– Я, честно говоря, всё бы забрал, только вот где хранить потом?

– Всё мы не увезём. По крайней мере, за один раз. Давай сегодня сделаем пару ходок и засыплем вход – лопаты тут тоже имеются. А потом, при необходимости, съездим ещё раз. Устраивает такой расклад?

– Годится. Давай снесём на столы то, что будем забирать сразу, снимем с пары стволов консервационную смазку, а потом будем носить в машину.

– Давай так и сделаем. Ты что брать будешь?

– На сегодня – АКС, в машине с ним удобнее, и штуки четыре АКМ-74 с собой. И побольше патронов. Да, ещё гранаты не помешают.

– А я, для разнообразия, возьму что-нибудь помощнее. Вон там стоят РПК-203. Надёжные пулемёты. Причём 7,62, а не эти современные пукалки. На всякий случай, я возьму два. Пусть будет запасной. И один АКМ-74 для жены. А ещё СВД надо взять парочку. Это винтовка на все случаи жизни. Да, противогазы и ОЗК грузим все. Скоро без них вообще никуда не выйдешь.

– Слушай, Паша, места в машине ещё много останется, давай сразу захватим и парочку РПГ-7. И гранат к ним несколько ящиков. Вдруг пригодятся?

– Не вопрос, берём.

Загрузившись, прикрыли дверь, решив для себя, что сегодня к хранилищу вряд ли кто пожалует, для этого надо быть отмороженным на всю голову. И поехали домой. По дороге сделали небольшой крюк, заехав к разрушенному продовольственному складу, и загрузили в машину несколько ящиков тушёнки, две коробки с сахаром и мешок муки.

Назад они ехали усталые, но довольные. Вот только сразу же, как Павел закрыл ворота КПП за выехавшей из них «Тундрой», пруха закончилась. Он ещё не успел сесть в машину, как на площадку у ворот с двух сторон выехали чёрная, поблёскивающая полировкой «BMW» одной из последних моделей и древняя, давно немытая дребезжащая «Дэу Нексия». Абсолютно не сочетаемая ещё вчера парочка. Эти машины существовали в разных мирах, которые никогда не пересекались. А сейчас они действовали вполне согласованно. «BMW» резко крутнулась в полицейском развороте и замерла на месте, перегородив въездную дорогу. «Дэу», в её теперешнем состоянии такие пируэты даже не снились, поэтому она без всяких изысков раскорячилась поперёк выездной.

Дверцы «Бомбы» распахнулись, и на асфальт выскочили два молодых парня в джинсах, кожаных курточках с заклёпками и бейсболках, надетых козырьками назад. Один из них сжимал в руке пистолет (скорее всего травматический), а второй поигрывал бейсбольной битой. Не шпана, мажоры. Из «Дэу» не торопясь вылез сутулый мужчина неопределённого возраста в длинном чёрном плаще и надвинутой на глаза чёрной же кепке. В руках он держал охотничью двустволку. Уверенно так держал. Видно было, что человек не просто умеет ей пользоваться, но и в ход может пустить не задумываясь.

– Эй, слоники, – крикнул, неторопливо приближаясь, мажор с битой, – вылезайте из машины и руки на капот. Мы вас сейчас досматривать будем.

Парень скалился, очень довольный собственной остроумностью, но улыбка быстро сползла с его лица, когда он заметил, что Павел вытаскивает из машины ручной пулемёт с болтающимися у конца ствола сошками.

Вот только мажоры Павла в этот момент не интересовали, так как всё его внимание было привлечено к мужчине с двустволкой. Тот подобрался, но не выглядел испуганным. Теперь, стоя напротив, Павел заметил синие метки на пальцах рук, одна из которых поддерживала ружьё за цевьё, а вторая медленно перебиралась к куркам. Урка. Этот не отступит. Павел, не глядя, щёлкнул предохранителем и, держа пулемёт на уровне пояса, направил его в грудь уголовнику.

– Мужики, прощения просим, погорячились, зла на нас не держите, сейчас уедем, – негромким слегка надтреснутым голосом доверительно бормотал урка, маленькими шажками пятясь к машине. Вот только голос его и доброжелательное выражение лица резко диссонировали с поведением рук, уверенно сжимавших ружьё. Частично скрывшись за капотом «Дэу», мужчина одним неуловимо быстрым движением вскинул ружьё к плечу, но нажать на курок не

успел. Короткая злая очередь пулемёта Калашникова пришлась ему в середину груди (Павел стрелял от пояса). Ружьё полетело в сторону, загремев по асфальту, а тело, отброшенное сразу несколькими тяжёлыми пулями калибра 7,62, плашмя рухнуло на спину.

Мажоры, не сговариваясь, попрыгали в «BMW». Машина рванула с места и понеслась к выезду на шоссе. Павел обошёл «Тундру», опёр сошки пулемёта на капот, немного пригнулся, выцеливая удаляющуюся машину и всадил совсем короткую (буквально в три патрона) очередь в район левого заднего стоп сигнала. Взрыв полупустого бензобака спровоцировал водителя резко вывернуть руль, и переднее колесо наскочило на придорожный валун. Тяжёлую машину подбросило в воздух. «Бомба» несколько раз перевернулась, упала на крышу, ещё немножко проехала, слегка поворачиваясь вокруг своей оси, и замерла, уткнувшись в ствол дерева на обочине.

Павел повернул ствол и, переключив пулемёт на одиночный огонь, выстрелил в бензобак Дэу. Машина взорвалась и окуталась пламенем.

– Ну, кому стоим? – обратился он к Олегу, устроившись на сидении. – Поехали!

– Чем ты стрелял? – спросил Олег, поворачивая на шоссе.

– Вот этими, – стянув противогаз, Павел отщёлкнул от пулемёта секторный магазин и начал доснаряжать его патронами с чёрным кончиком, окружённым красным ободком, – я другие не признаю!

– Только бронебойно-зажигательными пользуешься? Почему, они ведь дороже обычных?

– Потому что они обладают максимальной эффективностью. По бронебойности эти пули раза в три сильнее обычных, зажигательная способность – ну, ты сам видел – на бензобак потребовался всего один патрон. А сколько бы ты пулял своими, со стальным сердечником? Что касается цены, то она имеет значение только для больших партий, если тебе роту, например, или батальон вооружить надо.

– Это понятно, а где ты, строитель, так стрелять наблатыкался? Или воевал? – Олег тоже стянул с лица противогазную маску.

– Нет, воевать пока не довелось. А строители – они не только строят. Я, например, очень много пулезащитой занимался. И не только пулезащитой. А отстреливали образцы мы в основном сами. Так что с РПГ-7 тоже управляюсь.

– Повезло. А я стрелял из РПГ-7 в последний раз, будучи старшим лейтенантом. Ещё когда Советский Союз был. Больше не довелось.

– Так у вас их что, не было в морской пехоте? – спросил Павел, втыкая снаряженный магазин на место. – Ты, кстати, ОЗК расстегни, тут пока чисто. И выкидывай противогаз – там фильтр, наверно, уже светится.

– Были, конечно. На складе. На занятия получали, личному составу показывали. В классе. А стрелять – ни-ни!

– Слушай, – обратился Павел к напарнику, когда они уже ехали по садоводству. – Давай сейчас у меня разгрузимся, поезжай за женой, бери всё самое необходимое, и вези её к нам. Дом пустой стоит, как-нибудь разместимся вчетвером. Нечего вам в баньке куковать. Да и безопаснее вместе.

– Спасибо за приглашение. Так и сделаем.

Оксана, жена Олега, оказалась ещё достаточно молодой (сорок пять – разве это годы для следящей за собой женщины), привлекательной и сразу располагала к себе. Невысокая, крепкая, но не полная фигура, очень хорошо сочеталась с живым и непосредственным поведением. Этакая черноглазая и черноволосая абсолютно домашняя хлопотунья, которая и пирожков с яблоками напечёт, и украинский борщ из топора сварганит. С Леной, являющейся почти полной её противоположностью (высокая, стройная, сероглазая и обстоятельная), они очень быстро нашли общий язык, ну ещё бы – офицерские жёны как-никак. И обед в четыре руки спроворили оперативно.

Заморив червячка, напарники вышли на крыльцо. Воздух пах гарью. С северо-запада надвигалась широкая полоса чёрного дыма.

– Нефтехимия какая-то горит? – принялся Олег.

– Похоже. И сдаётся мне, что это обыкновенная солярка. Причём в смеси с прочими горюче-смазочными материалами.

– Там что, автобаза какая-нибудь?

– Хуже. Примерно там расквартирована 138-я ОМСбр.

– Каменка?

– Она самая. И ребята, похоже, остались без запасов горючки. А на одной заправке много не наездишь.

– Так должно ведь рассредоточение быть, резервирование.

– Бригада и рассредоточена. Всю сразу её не могли накрыть. А вот склад ГСМ у них централизованный. Всё до кучи на одном месте. Вместе с заправщиками. Бывал я там, видел.

– Печальный расклад. С другой стороны, десант янки на Карельский перешеек весьма маловероятен. Не до того им сейчас. Мы ведь им тоже наверняка нехило приложили. А вот на том берегу Финского залива вполне могут появиться. Те, что в Польше и Прибалтике расквартированы.

– Это вряд ли.

Павел покачал головой.

– На том берегу ЛАЭС была. Две очереди. Не думаю, что в ближайшее время туда кто-нибудь сунется.

– Ты думаешь, что прилетело и туда?

– Не думаю, а уверен. Это же янки, а не китайцы. Им наша территория не нужна. Поэтому гадить они будут никак не меньше, чем англичанка. Ты же видишь, даже тут взрыв наземный был, а не воздушный. Мне чуть пятки через пол не отбило. А потом пришла волна Рэля. Ладно, хватит болтать, поехали во второй рейс. Надо ещё кое-что захватить, да и продуктами затариться поосновательнее.

Из оружия с собой взяли только автомат и пулемёт. Ну и фонарик Олег прихватил, чтобы не ходить больше за Павлом, как привязанный. А ещё оба взяли с собой мобильные телефоны. У Олега был такой же «Дискавери» и теперь они могли связываться между собой на расстоянии до пяти километров. Не сейчас, разумеется, а когда атмосфера немножко успокоится. Перед отъездом Олег долго крутил настройки автомобильной магнитолы, пытаясь отыскать хоть одну радиостанцию. Но в динамиках только трещало.

Когда выезжали на шоссе, Павел попросил напарника остановить машину, опустил стекло и прислушался. Нет, ему не показалось. Издалека отчётливо доносились звуки канонады. Олег вышел из машины, некоторое время послушал и уверенно заявил:

– Это танки, Паша. И очень серьёзные танки. Как бы не сто двадцать миллиметров бухает. Что у нас там? – показал он рукой в северо-западном направлении.

– Там у нас Выборг, Олег. А немножко левее – Приморск.

– И откуда там натовцы? – не на шутку удивился Олег. – Из Прибалтики им сюда физически не успеть. Да и мало их там, для серьёзного десанта.

– А это, скорее всего, и не НАТО вовсе, а финны.

– Так они же нейтралы!

– Были нейтралы, поэтому по ним никто и не ударил. А Карелию вообще и Карельский перешеек в частности они всегда рассматривали как свою исконную территорию, временно оккупированную нами. Вот сейчас, под шумок, видимо, и решили прихватить обратно. Посчитали, что момент подходящий. У нас ведь на всю границу всего три общевойсковые бригады было. Ну и бригада морской пехоты в Печенге. Но это всё – с учётом Севера. А тут, поблизости,

только одна 138-я. Вернее, то, что от неё осталось после ядерного удара. Погранцов я вообще не считаю. Нечего им выставить против танков.

– А разве у финнов серьёзная армия есть? И новые танки? Я слышал, что у них в основном наше старье.

– Тут вот какая петрушка. Страны НАТО в последнее время активно разоружались, снимая танки с вооружения. А Финляндия, будучи формально нейтральной страной, наоборот, в спешно порядке вооружалась. Только за последние четыре года они завезли из Нидерландов сотню «Леопардов» предпоследней (шестой) модификации. И четвёрок у них под сотню. Если не ошибаюсь, то сейчас девяносто один в строю. Итого: почти двести современных танков только в одной бронетанковой бригаде. И столько же боевых машин пехоты с бронетранспортёрами. Причём всё это новые машины. Практически все на ходу. А бригада – она только на бумаге бригадой считается. А по сути – кадрированная бронетанковая дивизия с полным штатом техники. И ещё там четыре егерские бригады имеются, с которыми всё аналогичным образом обстоит. Одна из них, кстати, совсем близко от Выборга расквартирована. Час езды, буквально. Да и бронетанковая бригада до него свободно за пару часов доберётся. Ну, за три, если моторы не насиловать.

– Ты считаешь, что это они?

– А больше просто некому.

– Тогда давай весь расклад: пункты перехода, дороги.

– У нас в Ленинградской области три пограничных перехода: Торфяновка, Брусничное и Светлогорск. И три в Карелии. Есть ещё парочка в Мурманской области, но их можно не считать – очень далеко, и прикрыто там всё неплохо. Из карельских переходов тоже можно только один учитывать, Вяртсиля – от него шоссе А121 вдоль Ладожского озера идёт. Через Сортавалу. Часть войск скорее всего по нему двинет. А наши все три на А181 выходят. Это трасса «Скандинавия». Дальше три маршрута просматриваются: собственно «Скандинавия», Средневыборгское шоссе (это практически через расположение бригады) и Приморское шоссе, на котором мы сейчас стоим. Первые два остатка 138-й бригады перекроют, а сюда им физически не успеть. Проскочат финны.

– Как это проскочат? А мы с тобой на что? Сколько их там будет, батальон максимум?

– Как бы не два. Давай попробуем. Перебить не перебьём, разумеется, но остановить надо. Поехали на склад, остальное по дороге обсудим!

– Где ты предлагаешь их тормознуть? – спросил Олег, когда машина тронулась с места.

– Пожалуй, имеется только одно удобное место. Там, где дорога от Песков на подъём идёт. Он затяжной, не меньше километра. Большая часть колонны втянуться успеет. А дальше, перед самым верхом, подъём становится пологим и образуется точка перегиба – снизу не видно, что происходит наверху. Вот тут мы их и тормознём. Таким образом, наверху нам придётся иметь дело всего с десятком машин. А все остальные в это время будут находиться в неведении и ничем не смогут помочь.

– Убедил. Давай именно из такого расклада и исходить, затариваясь оружием. А потом детализируем замысел боя на местности. Хватит нам времени на рекогносцировку?

– Впритык. Им от Приморска сюда не меньше часа добираться.

– Так быстро?

– Это современные машины. Они по шоссе километров семьдесят в час могут держать.

– Тогда и мы поднажмём, – сказал Олег, притапливая педаль газа.

На складе они, первым делом, прихватили два гранатомёта, а потом пошли за гранатами.

– Нет, эти не бери, – остановил Павел напарника, когда тот ухватился за ящик с кумулятивными гранатами. – Они «Леопарду», что слону дробина. Не прошибёшь. Против него вот эти надо, – он указал на более длинный ящик. – Это тандемные выстрелы. Первый заряд сметает динамическую защиту и навесные элементы, а второй жжёт броню. Да и то, нужно в

борт башни стрелять. А против легкобронированной техники лучше использовать термобарические боеприпасы.

– Осколочные будем брать?

– Зачем? Они слабые совсем, да и попасть такой гранатой точно в цель весьма проблематично. Пулемёт лучше!

– Уговорил. Только я ПКМ возьму. Чтобы патроны были взаимозаменяемые. Да и общаться мне с ним чаще приходилось.

– А я СВД. И патронов с пулей Б-32.

– Ты постоянен в своих предпочтениях. Опять бронебойно-зажигательные. А почему снайперские с бронебойной пулей не хочешь? У них кучность почти в два раза лучше, а проникающее действие почти аналогичное.

– Знаешь, я не наёмный убийца и не собираюсь стрелять на километр. Мне надо, чтобы пуля, гарантированно прошивая броню БМП и БТР, давала прикурить экипажу.

– А она пробивает?

– На коротких дистанциях при стрельбе из СВД она пробивает 18 миллиметров броневой стали. Ладно, хватит трепаться. Время идёт, пора выдвигаться на исходную позицию. Разгрузку не забудь – вон они висят.

Павел надел разгрузку поверх плащ накидки – иначе потом замучаешься что-либо вынимать, и начал сноровисто набивать секторные магазины, запихивая снаряжённые в специальные кармашки. Рассовал в другие отделения несколько лимонок и сигнальных ракет. Потом занялся магазинами к СВД – в бою будет не до этого. И оптический прицел установил на винтовку сразу.

Надев противогазы, напарники сноровисто загрузили машину. Олег, сверх оговорённого, захватил на всякий случай два ящика обычных кумулятивных гранат к РПГ-7. На мелкого зверя. Предварительно подперев дверь в хранилище крупными камнями, они обрушили сверху куба полтора мелочи, чтобы завал казался старым и естественным. Спустя десять минут напарники уже мчались по Приморскому шоссе.

В самом начале спуска к Пескам Павел указал Олегу на просёлочную дорогу, уходящую под прямым углом вправо от шоссе:

– Сворачивай сюда, там метров через сто будет хорошее место для парковки. Можно заехать прямо в лес.

Противогазы они уже сняли, но выкидывать не стали – послужат ещё. Загнав «Тундру» под кроны деревьев и заглушив мотор, компаньоны вылезли наружу. Канонада сместилась вправо и стала заметно менее активной. Скорее всего, прорыва там не получилось и стороны перешли к позиционной фазе боевых действий. А впереди было тихо.

– Куда ведёт эта дорога? – спросил Олег, указав глазами на просёлок.

– К озеру. Там несколько лет назад построили коттеджный посёлок для богатеньких буратинов. Дома из цилиндрированных брёвен, канализация в полный рост, КПП на въезде.

– А с шоссе туда другим путём можно добраться? В смысле, не обойдут нас тут?

– Можно, в объезд озера, но не быстро. Там дорога совсем разбитая и сейчас по ней почти никто не ездит, но раньше, когда вот этой дороги не было, я доезжал минут за двадцать.

– БТРу на качество дороги чихать. И подробные карты у противника наверняка имеются. Так что давай сразу учитывать возможность обхода с правого фланга. Других дорог нет?

– Нет. Эта единственная. Все остальные съезды с шоссе тупиковые. А если поедут через посёлок, то мы услышим. Ладно, пошли смотреть, где ты их собираешься остановить.

Пройдя к тому месту, где на профиле шоссе имелся перегиб (далее уклон резко возрастал), Олег неторопливо осмотрелся и сделал вывод:

– Да, место шикарное. Будь у меня хоть взвод, мы бы тут локальный Армагеддон устроили. А вдвоём придётся тяжело. Нас на раз вычислят и мелко нашинкуют.

– Значит, надо не дать им такой возможности. Предлагаю разделиться. Я устроюсь справа от шоссе вон за теми камешками, а ты – слева. И не сидим на месте, а быстро перемещаемся, давая с одной точки не более нескольких выстрелов.

– Разумно, – согласился Олег. – Причём вступать в бой станем не одновременно, а по очереди, чтобы обстрел казался непрерывным и происходящим со всех сторон одновременно. Так нас дольше не засекут.

– Давай я первым начну, – предложил Павел. – У меня, как ни странно это звучит, больше опыта работы с гранатомётом. Моя задача застопорить колонну. Потом я побегу запечатывать её снизу, а ты смотри, чтобы кто-нибудь не обошёл затор по обочинам. Дальше – по обстоятельствам. Связь у нас имеется.

– Принято, – согласился Олег. – Готовим позиции.

– Подожди, – Павел остановил уже тронувшегося с места Олега. – Мне с этого места будет не видно, что происходит внизу. Кто первый идёт? Какой вообще расклад? Давай ты первую позицию займёшь повыше, чтобы обзор был, и сообщишь мне по рации про состав колонны и порядок следования техники.

– Договорились. А теперь давай готовить нашим гостям тёплую встречу.

– Я их не приглашал, вообще-то.

– Значит незваным гостям, которые, по определению, хуже татар.

* * *

Приморское шоссе, час «Ч»

Их восемь, нас двое – расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть.
Сережа, держись, нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять.

Слова из песни Высоцкого всплыли в голове у Олега по ассоциации. Всё очень похоже, но их вовсе даже не восемь, а никак не меньше батальона. Хорошо хоть, что танков немного. Три в голове колонны, причём только один из них 2А6NL, остальные два – более старой модификации 2А4, что тоже не подарок. Ещё три «Леопарда» в тыловом охранении. Модификацию отсюда не разглядеть – слишком далеко, видны только силуэты. Вся остальная колонна составлена из колёсных бронетранспортёров и боевых машин пехоты, передвигающихся на гусеницах. Пересчитывать их Олег не стал. Много – это больше трёх, а тут, пожалуй, очень много. Гранат на всех однозначно не хватит, а ПКМ, неосмотрительно прихваченный им на складе, не тянул даже против такой чисто символической брони.

Но были и положительные моменты. В центральной части колонны двигалось несколько бензовозов с горючкой. Вот это подарок! Получилось как на заказ. Если их запереть в верхней части подъёма да запалить...

Олег включил рацию, быстро сообщил Павлу состав колонны заранее оговоренным кодом и, на всякий случай, выключил телефон: кто его знает, какая у финнов имеется аппаратура. Вдруг запеленгуют? Да и аккумулятор надо побережь – заряжать теперь негде.

Повиснув на ветке, ранее задействованной его сидением в качестве опорно-наблюдательного пункта, он спрыгнул на землю. Облюбованная им боевая позиция располагалась немного ниже, и с неё не просматривалась та часть шоссе, которая находилась за точкой перегиба, где резко уменьшался уклон. С другой стороны, и его оттуда было не видно.

Зарядив РПГ-7 тандемной гранатой – в первую очередь надо было разобраться с танками, Олег постарался расслабиться. Начинать бой выпало не ему, так что пока можно некоторое время оставаться в роли зрителя.

Первый выстрел прозвучал неожиданно даже для него. Да и не слышно его было почти: так, тихий хлопок, почти неразличимый на фоне лязга гусениц, да небольшое облачко дыма от вышибного заряда, быстро растворившееся в кронах деревьев. А вот последствия этого хлопка оказались поистине потрясающими. И это было не преувеличением, а точной констатацией факта. Почти мгновенная детонация нескольких десятков двадцатимиллиметровых снарядов – это вам не кот чихнул. Башню «Леопарда» подкинуло высоко в воздух, откуда она рухнула, вращаясь вокруг своей оси, и смачно вмяла в асфальт сразу две стоящие впритирку не успевшие вовремя оттормозиться БМП.

Голова бронированной змеи замерла на месте, но сегментированное туловище продолжало струиться, вытекая из-за перегиба шоссе. Скорость была достаточно велика, и боевые машины сноровисто сбивались в кучу. Некоторые из них сталкивались, другие замирали практически вплотную к тем, что остановились перед ними. Неожиданно в самой гуще свалки один за другим образовались три купола оранжево-красного пламени, порождённые взрывами термобарических гранат. Шоссе заволокло чёрным удушливым дымом горящей резины. Где-то там внутри рвались боеприпасы. Откуда именно стрелял Павел, скорее всего никто не заметил, поэтому сейчас стрелки БТР и БМП остервенело лупили в обе стороны от дороги. Пули выкашивали подлесок, снаряды автоматических пушек расщепляли деревья. Не сдёрни Павел сразу после того как закончил стрельбу, его бы уже наверняка посекло.

Теперь пришла очередь Олега. Выцелив в дыму башню сползающего с обочины «Леопарда 2А4», которого пламя лишь слегка опалило, он нажал на спуск. Граната попала в цель, но танк продолжал двигаться. Пришлось стрелять ещё раз, теперь уже в двигательный отсек. «Леопард» замер на месте и окутался дымом.

Олег сноровисто перебежал на новое место. Сомнительно, что в кутерьме, образовавшейся на шоссе, его могли заметить, но лучше перестраховаться. Гадство – третьего танка нигде не было видно. Олег до рези в глазах всматривался в клубы дыма, но видел только силуэты БМП и БТР.

– Кис-кис-кис, – приговаривал отставной морпех себе под нос, вновь и вновь сканируя взглядом обочины. – Куда же ты спрятался, поганец?

В конце концов, он обнаружил искомое. «Леопард» спустился в противоположный кювет и затаился там, в ивняке. Видна была только средняя часть башни. Олег встал на одно колено, тщательно прицелился и запустил в цель тандемную гранату. Вспышка на броне, и к небу потянулась струйка чёрного дыма. Теперь можно было заняться более мелкой дичью. Но очень разборчиво – гранат оставалось мало.

* * *

Влетев на пригорок, Павел остановился, чтобы перевести дух. Стар он уже для беготни с утяжелениями. Хотя сейчас и молодой далеко не всякий сможет не сбить дыхание, проскакав, как горный козёл, полкилометра по пересечённой местности, особенно если на нём навешано столько железа. А раньше бегали, и ничего. Биатлонисты, кстати, и сейчас справляются, но им-то, в огромном большинстве, нет и сорока.

Павел прислушался. Выстрелы теперь гремели поодаль, а тут, вблизи, только моторы гудели, да голоса кое-где звучали. Причём особой тревоги в этих голосах пока не ощущалось.

Обойдя бугор, Павел на четвереньках пролез через густую поросль кустарников на свою третью лёжку. Отсюда, с высоты, просматривался почти весь подъём, плотно забитый бронетехникой. С двухсот метров с гаком видимость была не чёткой (сказывались прогрессирующая

близорукость и приближающиеся сумерки), поэтому пришлось воспользоваться оптическим прицелом СВД. Оценив расположение заправщиков, взобравшихся уже почти на самый верх и вплотную приблизившихся к точке перегиба, Павел отложил в сторону винтовку и придвинул к себе ручной пулемёт. На таком расстоянии бронебойно-зажигательные пули РПК-203 дырявят до семи миллиметров броневого стали, а цистерны заправщиков вряд ли выполнены из броняшки. Взорвать полные цистерны Павел не рассчитывал – это вам не полупустые бензобаки автомобилей. Он намеревался превратить каждую из них в дуршлаг и поджечь выливающееся на дорогу топливо.

Высадив по заправщикам весь магазин, он вставил второй и, расстреляв его, некоторое время наблюдал за потоками разливающегося по асфальту и кюветам жидкого пламени. Решив, что полученного эффекта вполне достаточно для создания тотальной паники, он переместился на другую позицию, чтобы запечатать шоссе снизу. Теперь в дело пошла снайперская винтовка. Павел стрелял по самым дальним бронетранспортёрам и боевым машинам пехоты, всаживая в каждую из них по полмагазина. Вначале у него всё получалось – пробка образовалась качественная. Но потом, оторвавшись в очередной раз от прицела, он заметил то, на что раньше не обращал внимания. А может, и просто не видел в сгущающихся сумерках. Все три танка, ранее дисциплинированно стоявшие в арьергарде колонны, уже перелезли через кювет и теперь пробирались вверх, подминая подлесок на опушке.

Павел вытащил свой «Дискавери» и попытался связаться с Олегом по радиации, но телефон абонента был выключен. Достав из кармана разгрузки сигнальную ракету, Павел свинтил колпачок и, целясь поверх шоссе, потянул за шнур. Ракета с шипением ушла вверх и высоко в небе раскрылись три зелёных огня.

– На связи, – глухо прозвучало в трубке.

– Приготовься, – закричал Павел, – к тебе идут три шестые коробочки. Их надо остановить.

– Принято – с трудом разобрал он голос Олега в треске, доносящемся из динамика. – Но у меня осталось только две больших хлопушки.

В разговор неожиданно ворвался звонкий молодой голос:

– Мужики, помощь нужна? И кто вы вообще такие?

– Полковник Смирнов, – представился Павел. – Отряд местной обороны специального назначения. Помощь нужна обязательно. С кем имею честь.

– Капитан Потёмкин, разведрота сто тридцать восьмой бригады. Я на шоссе в районе двадцать первого километра. Кратко доложите обстановку.

– Противник силами свыше мотострелкового батальона заперт нами на подъёме шоссе. Авангардные коробочки мы уничтожили, но сейчас попытаются пойти на прорыв три дикие кошки из арьергарда. Все три – шестой модификации.

А у нас хлопушки на исходе.

– Принято. Сможете помочь скорректировать огонь «Акации»?

– Попробую. Но из меня корректировщик, как из говна пуля. Откуда самоходка будет стрелять?

– Поляны.

– А достанет?

– На пределе.

– Вот пусть тогда на пределе и начинает пристрелку. Я нахожусь как раз на линии огня, и первый же недолёт будет моим.

– Принято. И срочно убирайте своих людей. Пусть ко мне выходят.

– Олег, ты всё понял?

– Да, уже ретируюсь.

Стопятидесятидвухмиллиметровый осколочный «чемодан» просвистел высоко над головой и рванул за поворотом шоссе с перелётом почти в полкилометра.

– Пятьсот метров перелёт и триста левее – доложил Павел в трубку.

– Вас понял. Это будет голова или хвост?

– Хвост.

Второй снаряд разорвался точно позади крайнего бронетранспортёра, подбросив его в воздух.

– Крайняя жестянка поражена, – доложил Павел.

Третий взрыв взметнул в воздух землю в голове колонны, уже после точки перегиба.

– Это голова, – отреагировал Павел, – но сюда больше кидать не нужно, мы тут сами хорошо поработали.

– Спасибо за помощь, – прозвучало из динамика. – Быстро сматывайтесь, у вас в распоряжении три минуты.

Догадавшись, что теперь полетят спецбоеприпасы, Павел схватил СВД и бегом бросился прочь от шоссе. Пулемёт и гранатомёт остались на позиции. Жалко, разумеется, но себя жалче. Две килотонны – это совсем не шутка, а на километровый участок шоссе их, с учётом рассеивания, потребуется не меньше трёх.

К тому моменту, когда над головой зашелестел первый снаряд, Павел, уже отмахавший полкилометра, перемахнул лесную дорогу и стремительно лавировал среди деревьев, почти не обращая внимания на бьющие по лицу ветки: жить захочешь – ещё не так побежишь. Плашмя упав на дно старой воронки, оставшейся ещё с прошлой войны, Павел набросил на голову капюшон плащ-накидки, плотно зажмурился и широко открыл рот...

К двадцать первому километру Павел вышел через сорок минут после окончания обстрела, встретив по дороге Олега, который тоже побросал всё, кроме пулемёта Калашникова. За это время уже совсем стемнело, и только окружающие шоссе сосны слегка выделялись на фоне чуть более светлого неба.

– Стой, кто идёт! – прозвучало в темноте откуда-то сбоку. Повернувшись, Павел с трудом рассмотрел на обочине тёмный силуэт БРДМ-2А, слегка подсвеченный пламенем далёкого пожара.

– Стоим, – отозвался Павел, замерев напротив разведывательно-дозорной машины. – Ваш корректировщик, полковник запаса Смирнов. Со мной мой начальник штаба, полковник запаса Михайлов.

– Стреляем, – пошутил капитан Потёмкин, шагая навстречу. – А где ваш личный состав, товарищи полковники? – спросил он, когда офицеры обменялись рукопожатиями.

– Личным составом мы пока ещё не успели обзавестись, – вступил в разговор Олег. – Сами познакомились лишь сегодня утром.

– Подождите, так вы что, вдвоём почти полчаса батальон удерживали?! – поразился капитан. – Ну, мужики, даёте!

– А что нам ещё оставалось делать, если вы только к шапочному разбору появились? – ответил Павел, тяжело привалившись спиной к корпусу БРДМ.

– Да что ж это я? – хлопнул себя по лбу Потёмкин. – Вы же устали как черти! Залезайте в машину, садитесь.

– Признавайтесь, где вы умудрились оружие раздобыть? – спросил разведчик, когда офицеры расселись в тёплом нутре боевой машины.

– Места надо грибные знать, – отшутился Павел. – Вы лучше расскажите, что в мире делается?

– У самих очень мало информации. Космической связи нет вообще, спецсвязь работает через пень-колоду, интернет умер. От Константской бригады связи и командования шестой

армии здоровенная воронка осталась. Похоже, что янки не мелочились и не меньше чем полумегатонный заряд уронили. Хорошо ещё, что наша техника пашет.

Капитан мотнул головой в сторону сержанта-контрактника, сидящего у консоли с аппаратурой.

– Знаю лишь, что общее командование откуда-то из Москвы осуществляет Шойгу, зачастую связываясь напрямую с командованием бригад. Там, где оно осталось. Били прямо по штабам.

– Значит, Москва стоит? – уточнил Павел.

– Москва – очень большой город. Замучаются бомбить. Да и кольцо ПРО там мощнейшее, в несколько уровней. Почти всё посбивали.

Олег вскинулся.

– Почти?! У меня сын там!

– Я подробностей не знаю, – немного подумав и, видимо, внутренне на что-то решившись, продолжил разведчик, – но слышал, что в центре мало что уцелело. По крайней мере, ни Думы, ни Совета Федерации больше нет. Да и от Кремля почти ничего не осталось. А вся остальная площадь практически не затронута. Но фонит там сильно.

– Если не секрет, где командир разведроты это всё мог услышать? – поинтересовался Павел.

– По своим каналам, – Капитан улыбнулся. – Наш-то Центр уцелел.

– А Питер как? – тихо спросил Павел.

– Плохо с Питером. Эти уроды что-то очень крупное в Маркизову лужу кинули. Прибрежные районы как языком слизнуло, дамбы тоже больше нет, в метро Нева плещется. По Ваське и Петроградке тоже всерьёз приложили, как и по спальным районам. Старались, гады, бить туда, где застройка гуще. Всего наши двенадцать взрывов насчитали.

– А ЛАЭС? – продолжил расспросы Павел.

– Там вообще мрак! Чернобыль можно смело на десять умножать. И ветром потащило радиоактивные облака аккуратно на Прибалтику.

– А кто это всё начал? – задал Павел вопрос, который волновал его никак не меньше остальных.

– Да кто ж теперь определит? – ответил капитан вопросом на вопрос. – Прошла информация, что ночью какая-то подлодка, чья она – так и не выяснили, нанесла из Атлантики ядерный удар по городу Брюнсюм в Нидерландах.

– Так это ведь чистойшей воды провокация! – воскликнул Олег. – Там штаб-квартира НАТО, но ночью все кабинеты пустуют. На местах лишь дежурная смена и технические сотрудники.

– Именно так в ООН наши представители и заявили. А наглы сразу обвинили во всём нас. Доказательств, как обычно, никаких, но повод к ответным действиям железобетонный. И утром вместе с США нанесли по нашей территории глобальный ядерный удар. Заодно прилетело и Китаю. Чтобы два раза не ходить. Наши летуны успели поднять в воздух стратегическую авиацию и ответили так, что мама не горюй. Заодно вломили и по натовским базам в Европе. Потом подключился Китай. Его янки успели допечь изрядно, вот он и отработал по всем американским базам, до которых мог дотянуться. В том числе и в Европе. А поскольку точностью его ракеты никогда не отличались... Индия с Пакистаном, кстати, тоже под шумок обменялись ядерными ударами. От кого прилетело Израилю, пока не ясно, но больше этой страны не существует. Да, последняя информация, что проскочила в новостях, касалась пробуждения вулкана Йеллоустоун. Потом спутники кончились, и никому не известно, что сейчас происходит на той стороне шарика.

– А что финны? – спросил Павел.

– Финны решили под шумок отжать Карелию. Похоже, что долго готовились. Ломанулись сразу четырьмя бригадами – бронетанковой и тремя егерскими. Мы их встретили уже после Выборга. И дали прикурить. Но больно уж их было много. А у нас после бомбёжки оставалось в строю меньше половины личного состава. И соляра лишь та, что в баках. Так что остановить мы их остановили, но назад отбрасывать нечем. Будем ждать подмогу...

– Может, чайку? – предложил Потёмкин.

– А покрепче ничего нет, а то голова раскалывается? – уточнил Павел.

– Как не быть!

Капитан поставил на упор откидную крышку столика, сгрузил на него из ящика фляжку, пластиковую бутылку воды и три стакана. – Разливайте. Закуски, к сожалению, нет, но мы конфету на троих порежем.

– Это он? – задал риторический вопрос Олег, набулькал на треть в стакан и потянулся за бутылкой с водой.

– Он это, он, – Павел остановил руку напарника и обратился к капитану:

– Спичечный коробок есть? А то, похоже, что черноморцев разводить спирт вообще не учат...

– У меня зажигалка.

Разведчик полез в карман.

– Нет, именно коробок нужен.

Спички нашлись у сержанта.

– Смотрите и учитесь, как это делается! – Павел поставил коробок около стакана и налил воды на его высоту. Опрокинул коробок на бок рядом со вторым стаканом и нацедил в него спирта из фляжки, опять же в уровень с верхом лежащего на боку коробка. Потом аккуратно (по стеночке) перелил спирт в воду и плотно закрыл стакан ладонью. Подержал немножко. – Всё, можно пить. Ничего не нагрелось и ровно сорок градусов, как в водке. Менделеев – он не дурак был. Целую диссертацию на эту тему защитил. А Периодическая система – это так, мелочи.

После того как остальные повторили его действия, офицеры чокнулись стаканами и выпили за победу. Занюхали мануфактурой, предусмотрительно оставив конфету для второго захода.

– Хорошо пошла, – Олег потянулся за фляжкой. – Ну что – повторим?

В это время Павел прикрыл рот рукой и стремглав бросился наружу. Почти сразу послышались соответствующие звуки – Павла рвало.

– Крючница спирт делала, – завил он, возникнув через некоторое время в дверном проёме.

– Спирт нормальный, технический. Исключительно для протирки визирных осей используется. Это ты большую дозу радиации хватанул.

Капитан полез в ящик за инъектором. – Сейчас мы тебя не больно уколем и полегче станет. А вообще, тебе, по-хорошему, пару дней надо отлежаться.

Инъектор пшикнул, впрыснув в бедро Павла порцию какого-то лекарства.

– Давай и мне, за компанию, – попросил Олег, выпрастываясь из ОЗК. Получив свою дозу, он застегнулся и, вновь пристраиваясь на лавку, продолжил:

– Слушай, Потёмкин, ты нас до садоводства не подбросишь? А то наша машина уже всё, наверно. Если после прохождения воздушной ударной волны и уцелела, в чём я лично сомневаюсь, то вся электроника точно выгорела.

– Подвезём. Тут всё равно уже ловить некого. Показывайте дорогу.

– А тут просто всё. На первом съезде направо, дальше прямо, до самого переезда, потом, никуда не сворачивая, по просёлку. Дальше я покажу.

БРДМ добежала до садоводства за пятнадцать минут, которые офицеры использовали, чтобы о многом договориться. А заодно и получить во временное пользование полевую рацию.

Когда разведывательно-дозорная машина замерла у ворот, осветив участок фарами, мужчины увидели Лену, выглядывающую из-за угла с автоматом Калашникова наперевес.

– Свой! – крикнул Павел, приоткрыв дверь машины. Покачнувшись, он неуклюже опёрся прикладом СВД о землю.

– Ты ранен?! Жена кинулась к нему. Подхватила под руку, втянула носом воздух. – Напился?

– Не ранен он, просто получил большую дозу радиации, – прояснил ситуацию Олег. – А выпили мы по граммулке буквально, радиацию выводили. Его положить надо, пусть отлежится.

Он забрал у Павла винтовку, закинул его руку к себе на плечо и повёл к дому.

* * *

В течение ночи и двух последующих дней Павла усиленно лечили. У людей, которые загодя готовятся к ядерной войне, в бункере наверняка имеется специальная противорадиационная аптечка, доверху набитая всевозможными препаратами. Павел к таковым никогда не относился, и в аптечке у него из радиоротекторов имелся только йод, защищающий организм от поглощения радиоактивного изотопа йод-131. Ну и пара бутылок водки, которые жена решила пока не задействовать в процессе. Пригодятся ещё. Считается, что этиловый спирт связывает свободные радикалы, с которых, собственно, и развивается радиационное поражение тканей. Лена не знала, сколько этого ценного продукта Павел успел поглотить за время своего отсутствия, но здраво рассудила, что на сегодня ему уже достаточно.

Первым делом с Павла стянули всю одежду и амуницию. На его слабые протесты, что всё это надо помыть, а винтовку ещё и почистить изнутри, ответ был один – успеется. Единственное послабление – разрешили помыть руки. Причём в приказном порядке. И сразу загнали на лежанку качественно протопленной печи. Потей, мол, и не выступай. И начали ударно поить. Сначала бульон – холодильник не работал с самого утра, так что курицу уже давно сварили и даже частично съели. Потом горячий чай, в который Лена щедро плеснула спиртовой настойки родиолы розовой, мотивируя это тем, что организму нужен иммунитет, и тогда он сам разберётся с любой гадостью. Не совсем логично, после исключения из рациона водки, но когда женщины были особенно сильны в логике? Нет, логика у них, безусловно, присутствует, но своя, женская. Которая непоколебимо утверждает: лекарство, это вовсе не выпивка, а выпивка – совсем не лекарство.

Когда Павел попытался воззвать к разуму жены, заявив, что лошадиная доза настойки может довести его до инфаркта, он получил ответ:

– Разбавляй до нужной концентрации прямо в себе, – сопровождающийся второй кружкой с чаем.

Чтобы не пришлось через каждые полчаса бегать на улицу, рядом с печью поставили пустое ведро. Разумеется, ночью оно не раз пригодилось.

Утром Павел почувствовал себя значительно лучше и захотел поесть, причём не просто заморить бурчащего в животе червячка, а наестся от пуза. Лена посчитала это хорошим признаком, плотно накормила, но выпускать на улицу отказалась категорически. К неудовольствию Павла, Олег с Оксаной её горячо поддержали. Лежи, мол, и никуда не дёргайся. Организм ослаблен, так что набирайся сил. Тем более что на улице ощутимо похолодало и идёт дождь. Радиоактивный он или самый обычный, понять невозможно, поэтому лучше зря не рисковать.

Ближе к полудню, когда на улице немножко развиднелось, низко над лесом с гулом прошли, одно за другим два звена ударных вертолётов Ми-35М. Вялая канонада на северо-западе сменилась частыми очередями неуправляемых ракет и редкими, но более громкими взрывами управляемых противотанковых ракет. «Крокодилы» утюжили финские позиции, выборочно отстреливая бронетехнику и мешая с землёй успевших окопаться егерей.

Ничего этого Павел, разумеется, не видел. Он делал выводы, основываясь исключительно на кратких комментариях Олега, который, стоя в дверном проёме, оценивал происходящее на слух. Через некоторое время вертолёт пролетел в обратном направлении, а стрельба начала ослабевать и удаляться. Финнов оттесняли к границе.

Позже, когда дождь на некоторое время прекратился, Олег с Оксаной похоронили своего соседа и семейную пару, проживавшую на противоположном конце садоводства. Может быть, это были не все погибшие, но больше они пока никого не нашли.

Вечером Олег связался с Потёмкиным и прояснил обстановку. Большую часть финнов перебили, остальных уже отбросили к границе. Всю бронетехнику сожгли. Переходить государственную границу не стали.

Шойгу каким-то образом связался с президентом Финляндии и популярно объяснил ему, что следующая попытка ревизии территориальных положений мирного договора 1947 года станет лично для него последней, а для инфраструктуры Финляндии – фатальной. Тот проникся и клятвенно пообещал, что ни одна нога финского военнослужащего больше никогда не переступит российской границы. О том, что некоторое количество этих ног пока ещё находится на нашей территории, высокие договаривающие стороны предпочли не упоминать. Как и о том, что через границу в самое ближайшее время могут наведаться группы охотников и контрабандистов, не имеющие явного отношения к вооружённым силам Финляндии. Мир изменился, и к его новым особенностям придётся приспособливаться ещё очень долго.

Потёмкин предупредил Олега, что некоторое пока не установленное количество егерей ещё осталось на нашей территории. По его прикидкам, не более двух-трёх десятков. Без бронетехники и тяжёлых вооружений. Часть в последний раз видели на болотах в районе озера Большое Раковое, другую потеряли вблизи Приозёрска. С третьей, самой малочисленной группой, контакт был потерян в районе Дятлово, откуда она отступила в направлении озера Пионерское. Это примерно в тридцати километрах от вас. Так что, на всякий случай, будьте наготове. И людей предупредите. Егеря сейчас вне закона, а значит, способны на всё.

Где находится озеро Пионерское, Павел в общих чертах представлял. Там рядом располагался посёлок Красная Долина, куда ходил четыреста двадцатый автобус. Он как-то даже подъезжал на нём до двадцать первого километра. А ещё именно там проходила железная дорога на Приморск, до которой от садоводства было не более трехсот метров.

Если пойдут вдоль неё, то уже послезавтра могут сюда добраться. Надо будет с утра сходить в Местерьярви и предупредить жителей. Он решил обсудить этот вопрос с Олегом, но не успел. Пол под ногами вздрогнул, поехал в сторону, и Павел не удержался бы на ногах, не схватись в последний момент за стол. Так, вместе со столом, и отъехал в угол комнаты.

– Что это было? – спросил Павел, когда всё успокоилось. – Земля натолкнулась на Небесную Ось?

– Какую ещё ось?

Лена вбежала в комнату чуть позже и услышала только окончание фразы.

– Не обращай внимания, это я фигурально. Просто не понимаю, что именно произошло. Вспышки и воздушной ударной волны нет, значит, это не термоядерный взрыв. Но что-то не менее, а скорее всего, даже более мощное. Причём очень далеко. Иначе мы бы услышали хоть какие-то раскаты. Такое впечатление, что вздрогнула вся Земля. Похожее бывает при землетрясениях, но там всё иначе, да и невозможны у нас тут серьёзные землетрясения. Не сейсмичный район. Так что, по всей видимости, это глобальная катастрофа. Огромный метеорит,

диаметром в несколько километров шлёпнулся, или супервулкан рванул. В любом случае это событие планетарного масштаба.

– Йеллоустоун, – заявил Олег, войдя в комнату. – Потёмкин говорил вчера, что он зашевелился.

– И что теперь будет? – тихо спросила Лена.

– Пролив имени Сталина будет. На канадско-мексиканской границе.

Павел немножко подумал и продолжил:

– А ещё мощнейшее цунами, смывающее целые страны. И вулканическая зима.

– Но ведь «Ядерная зима» и так должна была произойти? – спросила Оксана, появившаяся в дверях вслед за своим мужем.

– Нет. Это один из мифов, запущенных американцами в восьмидесятые годы для ядерного разоружения Советского Союза, а Горбачёв им тогда подыграл, – Павел сделал паузу, пытаясь облечь свою мысль в более простые формулировки.

– Даже если одновременно взорвать все накопленные человечеством ядерные арсеналы, то ядерной зимы не случится. Не тот масштаб. Для ядерной зимы нужно примерно на два порядка больше. А вот взрыв супервулкана вполне способен привести к вулканической зиме. Я встречал, в том числе и такие оценки, в соответствии с которыми в атмосферу на высоту более пятидесяти километров будет выброшено порядка десяти тысяч кубических километров пепла и золы. Вот этого для существенного похолодания уже может хватить. Так что если это то, о чём мы подумали – надо заготавливать дрова. И продукты. Лета в будущем году, скорее всего, не будет.

– Почему миф? – Не согласился Олег. – Я помню, нам даже показывали на эту тему научно-популярный фильм. Лесные пожары, горящие нефтепромыслы, огненные штормы в городах. Всю атмосферу сажей забьёт, ночь наступит, а потом и «Ядерная зима».

– Потому что такому количеству сажи взяться просто неоткуда. Его в расчётах на порядки завысили. Лесные пожары у нас постоянно идут. Много сажи в атмосфере? Когда нефть горит, там дым, в основном. А огненный шторм в современном каменном городе нереален. Так что, большие количества сажи могут выделиться только при горении торфа и автомобильных покрышек. Но специально бить по торфяникам никто не будет. И покрышки в одну кучу никто собирать не станет. Поэтому возможны только локальные затемнения атмосферы, которые не изменят ничего всерьёз в планетарном масштабе.

– А цунами нас тут не достанет? – спросила Лена.

– Думаю, что нет. Мы слишком далеко, на пути узкие проливы на Балтике, да и высота тут полста метров над уровнем моря. Вот Питеру может не поздоровиться во второй раз. Но не сильно. А больше всего достанется Испании, Франции и Великобритании. Японии тоже, конечно, ну, ей не привыкать. Они хорошо знакомы с цунами. Сейчас оно просто будет намного мощнее. У нас, я думаю, очень серьёзно приложит Курилы и Алеутские острова. Смоет почти все островные государства. Центральной Америке тоже достанется.

– Ты так спокойно об этом рассуждаешь! – возмутилась Оксана. – Там ведь люди живут. Миллионы людей!

– Боюсь, что тут счёт пойдёт на многие сотни миллионов. Но не я это всё затеял. Не надо было начинать войну! И лично для нас сейчас намного опаснее не то, что происходит на другой стороне планеты, оно потом аукнется, а егеря в тридцати километрах. Олег, нужно будет завтра с утра прогуляться в Местерьярви и предупредить людей. А заодно и в коттеджный посёлок наведаться.

– Ты давай завтра лечись ещё. Сам схожу. Может, кого и мобилизовать получится.

– Хорошо. Возьми с собой сигнальные ракеты. Раздай там наиболее ответственным товарищам. Чтобы предупредили, если что. Сами-то они вряд ли какое-либо сопротивление смогут оказать. Так что пусть при опасности уходят в лес. А я завтра залезу на чердак и разгребу хлам.

У меня там где-то бытовой дозиметр валялся. Сейчас радиация – это самое опасное для нас. Съешь что-нибудь радиоактивное, и амба. Изнутри альфа-частицы доконают очень быстро.

– А внешний фон что, не опасен? – удивился Олег.

– Вблизи от эпицентра взрыва будет опасен ещё долго. И ещё там, где облако просыпалось. Эти места нужно просто отметить и задерживаться там как можно меньше. Лучше всего бегом преодолевать. Доза напрямую зависит от времени. А здесь относительно чисто. По крайней мере, жить можно. Если, конечно, не попадать под радиоактивные осадки. И не дышать пылью.

– Как ты думаешь, в Москве сейчас фон очень высокий? – Олег постарался не выдать своего волнения, и ему это удалось. Павел ничего не заметил.

– В центре – да. В спальных районах, скорее всего умеренный. И с каждым днём будет уменьшаться. А вот из Питера тем, кто уцелел, лучше на некоторое время переселяться в область. Пока зима не началась. Надо будет озаботиться, где у нас в садоводстве можно разместить переселенцев. А заодно посмотреть, не уцелело ли в разрушенных домах чего-нибудь полезного.

На улице к этому времени уже стемнело, и Лена зажгла свечи. Спать пока никому не хотелось – слишком перевозбудились от последних событий. Женщины, не стовариваясь, надели на Павла, с просьбой рассказать о том, что сейчас, по его мнению, происходит в Америке. Правда ли, что она может расколоться на две части? Какой высоты можно ожидать цунами? Долго ли продлится вулканическая зима?

– Насчёт пролива имени Сталина, это шутка, разумеется. – Начал Павел с самого простого, по его мнению, вопроса: – Не расколоть Северную Америку поперёк. Это могло бы произойти, находишь супервулкан на побережье. Если океан хлынет в глубину магмы, может произойти всё что угодно. Но Йеллоустоун находится в глубине территории. Площадь кальдеры около четырёх тысяч квадратных километров. Это в полтора раза больше площади Москвы. Под ней на глубине всего восемь километров находится огромный пузырь магмы с температурой свыше восьмисот градусов Цельсия. Этот пузырь снизу соединён вертикальным магмовым столбом (плюмом), проходящим сквозь Североамериканскую континентальную плиту, с расположенной под ней магмой, нагретой примерно до тысячи шестисот градусов. В кальдере имеется озеро, площадью триста пятьдесят квадратных километров. Это примерно пятнадцать кубических километров воды. Если вся эта вода одномоментно провалится вниз и, достигнув пузыря с магмой, превратится в пар, то восьмикилометровую перемычку выбьет вверх, как пробку из бутылки с шампанским. И ничем не сдерживаемая магма рванёт к поверхности. Всё. Дальше обычное извержение, правда, из необычайной ширины жерла, площадью горизонтального сечения в тысячи квадратных километров. В обычных вулканах это всего сотни, редко тысячи квадратных метров. А тут тысячи квадратных километров. Разница на порядки. Но ни о каком разломе плиты пополам даже речи не идёт. Это будет просто очень большая круглая дырка. А вот Калифорния при этом, скорее всего, отколется и сползёт в океан. Там очень неприятный разлом имеется, который уже давно на ладан дышит.

– А сколько вулкан в этом случае может выбросить пепла? – уточнила Лена.

– Сложно сказать. Этот супервулкан уже трижды взрывался. Промежутки между извержениями составляли примерно по шестьсот с небольшим тысяч лет. В первый раз он выбросил около трёх с половиной тысяч кубических километров. Это, кстати, называют одной из возможных причин вымирания динозавров.

Тут Павел немного погрешил против истины. Динозавры вымерли примерно за сто шестьдесят миллионов лет до первого извержения Йеллоустоуна, но полковник был очень далёк от палеонтологии.

– Остальные два извержения были поуже. Но в прогнозах на это я встречал цифры вплоть до десяти тысяч кубокилометров, что, скорее всего, перебор. Тем не менее, все пишут, что оно будет не слабее, чем первое.

Теперь про цунами. Какой высоты будет волна, я не имею ни малейшего представления. Взрыв Кракатау, произошедший в 1883 году, поднял волну высотой в тридцать метров. Тут, скорее всего, будет ещё больше. А на какую высоту она поднимется перед обрушением на побережье, будет зависеть от того, насколько быстро там поднимается шельф. Тут всё индивидуально. Да, на Японию, скорее всего, придёт а ж две волны. Сначала та, что порождена взрывом супервулкана, а следом – вызванная обрушением Калифорнии. И ещё неизвестно, какая из них будет больше.

И последнее. Про вулканическую зиму. Вот не знаю я, сколько она может продлиться. Смотря на какую высоту вулкан зашвырнёт пепел, и сколько его будет. Вулканический пепел – это очень мелкие пористые частички. Они могут подниматься высоко в атмосферу и парить там месяцами. Пепел Кракатау, например, был выброшен на высоту восемьдесят километров и облетел земной шар много раз. Самые мелкие из этих частиц, относящиеся к нанометровому диапазону размеров, могут висеть в воздухе почти бесконечно. По крайней мере, годы. При этом, по расчётам учёных, Йеллоустоун может выбросить в двести раз больше пепла, чем Кракатау, и зашвырнуть его ещё выше.

– А насколько быстро его переносит ветром? – уточнил Олег.

– Когда как. Пепел Кракатау обогнул земной шар примерно за месяц. А вот пепел Везувия осуществил кругосветное путешествие за две недели. Вулкан Пуйеуэ в Чили вообще в 2011 году поставил своеобразный рекорд. Выброшенный им пепел обогнул земной шар всего за несколько дней. Всё зависит от высоты подъёма и преобладающих там ветров. Таким образом, вулканическая зима может продолжаться от нескольких месяцев (тогда температуры упадут всего на несколько градусов) до нескольких лет. В последнем случае речь идёт уже о десятках градусов.

– Так чего ждать нам? – не выдержала Оксана.

– Ну, не знаю я, девочки! Давайте изначально рассчитывать на один год. Если зима будет короче, так нам же лучше. А затянется – приспособимся как-нибудь. А сейчас давайте ложиться спать. Утро вечера мудренее. Ну, или мудрёнее. Раз на раз не приходится.

* * *

Утром Олег пешком отправился в Местерьярви, а Павел с Леной и Оксаной прошлись по садоводству. Дождя не было, как и дождевых туч, но небо оставалось серым и солнце так ни разу и не проглянуло. Павел подумал, что в верхних слоях стратосферы уже полно пепла. А дальше его количество станет только расти. И с каждым днём будет становиться темнее.

Полностью целыми, в которые хоть сейчас можно заселяться, если, разумеется, застеклить окна, они признали только два дома. Ещё три нуждались в небольшом ремонте – подновить крышу, отремонтировать оконные фрамуги и т. п. Все остальные представляли собой плачевное зрелище. Тут требовался капитальный ремонт. Проще было на скорую руку построить что-нибудь новое, чем пытаться восстановить эти развалины.

Собрали некоторое количество инструментов, несколько пачек гвоздей и шурупов. В одном месте нашли штабель досок и бруса – видимо, хозяин собрался строиться. Обнаружили один рабочий генератор и двадцатилитровую канистру бензина к нему. Больше всего Павел был рад находке теплогенераторной печи «Индигирка». Он давно собирался приобрести такую, но так до сих пор и не сподобился. Переносить её самостоятельно он не решился – пятьдесят четыре килограмма для одного многовато. Решил, что позже перетащит вдвоём с Олегом. Теперь хоть можно будет аккумуляторы заряжать.

Собственно, печь у него была, причём очень приличная: двухколпаковая, с лежанкой и большой варочной плитой. Но она только грела, а электричества не давала совсем. И грела, по-хорошему, только одну комнату. Теперь можно было поставить в другой комнате «Инди-гирку» и включать свет. Лампочки на двенадцать вольт можно снять с машин. Их теперь много бесхозных.

Женщинам он дал команду обратить первостепенное внимание на зимние вещи. У него на участке только старая фуфайка валялась да пара свитеров, а Олег с Оксаной на участке вообще не держали ничего тёплого. Поиск был успешен: обнаружили несколько тёплых курток, два пледа, шерстяные шапки, шарфы, ушанку и даже один меховой тулуп. Рукавицы нашли лишь хозяйственные, но зато обнаружили несколько мотков шерсти, и Лена пообещала связать всем тёплые шерстяные.

Олег вернулся только после полудня. И не пришёл, а приехал. Очень довольный. Сначала он зашёл в Местерьярви. Молодёжи там вообще не обнаружил. Одни бабульки с дедушками весьма преклонных годов. Зато там был фельдшерский пункт, которым заведовала очень толковая бабушка. Она поделилась с Олегом пузырьком таблеток йодида калия, порекомендовала ежедневно принимать по сто двадцать пять миллиграммов. Сигнальную ракету он оставил полностью седому, но ещё крепкому дедушке, заверившему, что умеет такими пользоваться, так как служил в своё время в армии. Дед попросил оставить ему хоть какое-нибудь оружие – мол, есть ещё порох в пороховницах и ягоды в ягодицах. Олег пообещал в следующее посещение занести ему автомат Калашникова. Особых проблем в деревеньке не было, единственное, бабульки попросили завезти им зерна по возможности – кур нужно будет зимой чем-то кормить. Обещали расплатиться яйцами. Олег обещал поспособствовать.

Потом он заглянул в посёлок Октябрьское и обнаружил там целую бригаду белорусских строителей. Белорусы работу уже несколько дней как закончили – сложили большой бревенчатый дом, но расчёта так и не получили – хозяин больше не появлялся. А потом начались непонятки, и они решили пока никуда не дёргаться. Сейчас маялись бездельем и готовы были на любую работу. А ещё у них наличествовала грузовая «Газель» с полным баком. Олег быстро сориентировался и предложил ребятам совместную поездку за продуктами, пообещав не только «рыбное» место показать, но и охранять в дороге. Проинструктировав бригадира, Олег оставил ему сигнальную ракету и, дождавшись, пока водитель облачит в комбинезон, плащ и сапоги-болотники, забрался в кабину, чтобы показать дорогу к уже известному ему по первой поездке на полигон продуктового складу. Ехали они через коттеджный посёлок (другой дороги теперь не было). Пообщавшись с охраной, набранной из молодых парней, недавно отслуживших в армии, договорился о взаимодействии и, оставив им сигнальную ракету, поехал дальше. Этим тоже желательно было обеспечить оружием, но показывать оружием человеку, с которым он познакомился всего пятнадцать минут назад, Олег не рискнул. Решил, что лучше потом съездит с Павлом на своей машине. Поэтому в этот раз грузились только продуктами. Взяли все оставшиеся консервы, соль, сахар, почти полтонны пшена, два сорокалитровых бидона с подсолнечным маслом и несколько мешков муки. Дрожжей не было, но Павел рассчитывал, что сможет разжиться ими в деревне. В общем, склад вычистили почти под метёлку. Осталась только картошка и несколько бочек с квашеной капустой. Две, кстати, Олег умудрился засунуть в машину, несмотря на сопротивление водителя, утверждавшего, что рессоры такого насилия просто не выдержат.

– Машину нужно вести аккуратнее, не гонять, тогда и проблем не будет.

В результате водитель всю дорогу ехал на второй передаче, аккуратно огибая каждую колдобину. Рессоры выдержали.

Подъехав к участку, они выгрузили одну из бочек с квашеной капустой, бидон подсолнечного масла, половину консервов, а также большую часть соли, сахара и муки. Олег прихватил с собой два автомата Калашникова (плюс к своему, с которым не расставался) и несколько

пачек патронов. Запрыгнув обратно в кабину, он крикнул, что назад вернётся пешком ближе к вечеру.

После того как «Газель» уехала, Павел решил прогуляться на старый финский хутор, расположенный в полукилометре от садоводства по другую сторону от железной дороги. Карельские хутора сильно отличались от тех, которые в былые времена располагались близ Диканьки и были описаны Гоголем. Как правило, на них проживало только по одной семье, и весь хутор состоял из большого дома с окружающими двор хозяйственными постройками, огорода и выпаса для скотины. А этот ещё и захирел в последнее время: старики умерли, молодёжь перебралась в город.

Пошёл он туда, скорее, для очистки совести, в глубине души понимая, что живых не встретит. Всё-таки хутор был существенно ближе к эпицентру взрыва, уничтожившего полигон ракетчиков. Но вдруг кому-то повезло и ему нужна помощь? К сожалению, хозяин хутора, в последнее время живший бобылём, свой лимит везения уже исчерпал. Он лежал во дворе, вцепившись обожжёнными руками в землю. Видимо, полз из последних сил к крыльцу, но умер раньше, чем успел до него добраться. Волосы на голове обгорели, куртка из кожзаменителя полопалась в нескольких местах и сморщилась. Пёс – восточноевропейская овчарка – лежал рядом, подогнув под себя лапы и уткнувшись носом в бок хозяина. Он тоже был уже давно мёртв.

Павел немножко постоял, сдерживая слёзы, и пошёл к сараю за лопатой. Он давно знал этого человека, в последние годы живущего бобылём, и, честно говоря, до самого конца надеялся, что его в тот день не оказалось дома. Спустя час, когда он уходил со двора, справа от крыльца осталось два небольших холмика, бок о бок. Один из них был немного длиннее.

* * *

Лейтенанту Эйно Карьялайнену повезло трижды. Сначала его разведывательно-диверсионную группу включили в экипаж бронетранспортёра ХА-200, входящего в состав сводного ударного корпуса прорыва. Основной задачей корпуса, о которой до дня «Д» следовало помалкивать, было стремительное выдвигание на временно оккупированную русскими территорию Карелии с выходом на линию Старой границы, где следовало закрепиться. Военное руководство трезво оценивало свои силы, понимая, что при дележе шкуры русского медведя особенно наглеть не целесообразно. Большим куском можно и подавиться, а вот забрать обратно своё – это святое. Слишком долго финский народ ждал этой возможности. Дед, согнанный со своей земли ещё в 1939 году, так и не дождался. Но на смертном одре заставил маленького Эйно поклясться, что тот захоронит его прах на хуторе, принадлежащем их семье. То, что сначала эту землю надо будет отбить у русских, подразумевалось.

Эйно вырос в высокого широкоплечего рыжего парня, число розеток в петлицах достигло двух, на плече привычно повисла штурмовая винтовка Valmet Rk 76 TP с магазином на тридцать натовских патронов «пять пятьдесят шесть на сорок пять», а большие дяди из-за океана всё не начинали. Но Эйно умел ждать и, в конце концов, дождался. Сбор был объявлен накануне дня «Д».

Второй раз лейтенанту повезло, когда неуправляемая авиационная ракета русского «крокодила» воткнулась прямо в двигатель прыгающего по бездорожью бронетранспортёра, в десантном отсеке которого он болтался как горошина в колеблющемся на ветру стручке, плотно пристёгнутый ремнём к боковому сиденью.

Экипаж колёсной боевой машины погиб мгновенно. Егеря кинулись к задней двери, предназначенной для штатного десантирования, но её заклинило. К счастью, верхний аварийный люк поддался, и разведывательно-диверсионная группа успела вырваться из превратившегося в стальную клетку десантного отсека до того, как в БТРе начали врываться боеприпасы.

В третий раз ему и двум егерям из его группы повезло буквально спустя полминуты. «Крокодил» не стал гоняться за прыснувшими в стороны егерями, ограничившись одной длинной очередью, скосившей всего троих.

Эйно был ошеломлён и основательно выбит из колеи, но быстро сориентировался на местности и смог увести остатки группы в лес, до того как русские мотострелки вышли на дистанцию эффективного поражения.

Дальше пошли в ход наработанные навыки. В лесу егеря как дома. Там они дождались ночи и, пользуясь темнотой, просочились через населённый пункт и вышли к однопутной железнодорожной ветке.

Карьялайнен хорошо знал эти места. Он ещё дома заблаговременно изучил их по гугловской карте, просчитал, на всякий случай, разные варианты и сейчас буквально дрожал, ощущая, что до заветной цели оставалось меньше тридцати километров. О том, чтобы повернуть к границе, он даже не задумывался. Вперёд и только вперёд. Егеря шли по шпалам почти до полуночи и, лишь полностью вымотавшись, свернули в лес на ночлег.

* * *

Утром, едва немного развиднелось, Эйно разбудил своих подчинённых и заявил, что пора двигаться дальше. Еды у них с собой не было вовсе (сухпайки остались в бронетранспортёре), воды во фляжках оставалось на самом дне, у всех троих гудели головы – наверно, вчера контузило.

Пришлось выдвигаться натошак, без завтрака. Но везение лейтенанта пока ещё не кончилось. Буквально через полчаса егеря вышли к урочищу Тарасовскому. Железнодорожная насыпь пошла по дамбе, пересекающей озеро Белянское. Вдоволь напившись холодной, ломающей зубы воды, все трое умылись и наполнили про запас фляги. А следом и завтрак прибежал. Здоровенный, откормившийся за лето заяц выскочил на опушку и на секунду замер, уставившись на егерей чёрными глазёнками. Этой секунды ефрейтору Юхо Халонену с лихвой хватило для выстрела навскидку. Разумеется, опытный охотник, практически еженедельно тратящий по полсотни евро на стрельбу по тарелочкам, просто не мог промахнуться с несчастных пятнадцати метров по такой крупной неподвижной мишени.

Эйно торопился, но у него самого уже сводило живот от голода, поэтому скрепя сердце он выделил полтора часа для того чтобы наскоро перекусить. Они свернули в лес и быстренько организовали небольшой костерок. Юхо, сноровисто освежевав и разделав зайца, пристроил куски тушки над пламенем. Лейтенант, глядя на его точные, выверенные действия, испытал чувство гордости за своего расторопного подчинённого. Сам он, в отличие от сухопарого и подвижного ефрейтора, охотой не увлекался и соответствующих навыков не имел. Да и стрелял, честно говоря, посредственно. Его стихией были лыжи. Встав на них ещё в трёхлетнем возрасте, он старался не упускать ни единой возможности для хотя бы короткой двух- или трёхчасовой пробежки, а мог провести в зимнем лесу и весь выходной день. Неудивительно, что из всей егерской бригады «Карелия» конкурировать с ним на соревнованиях могли всего трое.

Слегка подгоревшее на огне костерка заячье мясо оказалось чудовищно жёстким, но егерей это ничуть не смутило. Молодым организмам срочно требовалась хоть какая-нибудь пища, поэтому обжигаяще горячая зайчатина была поглощена в рекордно короткие сроки. И сорока минут не прошло. Обсосав последнюю косточку, Юхо сытно рыгнул и рискнул всё-таки задать давно тревожащий его вопрос:

– Господин лейтенант, а куда мы сейчас направляемся? Граница ведь находится в противоположном направлении.

– Наша группа выполняет специальное задание командования, – не моргнув глазом соврал Эйно. Сейчас мы продвигаемся вдоль железнодорожного пути – так выйдет быстрее. Последующую задачу я доведу до вас своевременно. Всё, тушите костёр, и выдвигаемся.

Идти по неравномерно присыпанным крупным щебнем железобетонным шпалам не слишком удобно. Даже длинноногому Карьялайнену приходилось делать чересчур большие шаги для того чтобы наступать на шпалы через одну. Для низкорослых ефрейторов эта задача вообще являлась непосильной, и они были вынуждены семенить, последовательно ставя ноги на соседние шпалы. В тех местах, где щебня было насыпано с избытком, все трое переходили на нормальный шаг, но это случалось не слишком часто. А идти им предстояло ещё очень долго. Хорошо, если к вечеру доберутся.

* * *

После возвращения Олега (на этот раз он пришёл пешком) полковники решили связаться с Потёмкиным и узнать всё-таки, что именно вчера произошло. Выяснилось, что их предположения подтвердились. Это действительно взорвался Йеллоустоун. Извержение восьмой (самой высокой) категории. Последствия взрыва оказались несравнимо чудовищнее тех, что были причинены в XIX веке извержениями Кракатау и Тамбора. Кракатау унёс жизни тридцати шести тысяч человек, Тамбора – не менее семидесяти одной тысячи, а сейчас, по всей видимости, счёт пошёл уже на миллионы. Рёв взрыва слышали жители Аляски и Панамы, а воздействие гигантской волны цунами ощутили жители прибрежных районов всех без исключения континентов. Больше всех досталось островным государствам, включая, разумеется, Великобританию, Западную Европу, Японию и нашу Камчатку. Последним даже дважды, так как Калифорния, отколовшаяся от Северной Америки, породила ещё одну волну цунами сравнимой высоты, но ограниченную в основном Тихим океаном. Внутренние моря цунами затронули незначительно. В Средиземном море волна ещё ощущалась, но до Мраморного и Чёрного морей вообще не дошла. Немножко прогулялась по Северному морю, порушив несколько датских портов, но быстро ослабла и в Балтийское море пришла уже на излёте, растеряв в проливах почти всю свою разрушительную силу. В Финском заливе она уже не отличалась от нагонной: залила Кронштадт и, перевалившись через остатки дамбы, растеклась по дельте Невы, практически не затронув Санкт-Петербург. На Дальнем Востоке основной удар цунами приняли на себя Японские острова, Курилы, Камчатский полуостров и Алеутские острова. Они раздробили волну, ослабили её действие и спасли от тотального разрушения почти всю портовую инфраструктуру на побережьях Жёлтого, Японского, Охотского и Берингова морей.

При этом цунами были далеко не единственной пакостью, которую вызвал разбухший супервулкан. Всю срединную часть североамериканского континента засыпало вулканическим пеплом. На границах с Канадой и Мексикой высота слоя уже доходила до метра, а о том, что творится на территории США, можно было только догадываться – там клубилась непроглядная тьма. Создавалось впечатление, что объём выброшенного супервулканом пепла существенно превысил прогнозируемые десять тысяч кубокилометров. Чудовищный объём пепла был заброшен в стратосферу вплоть до границы с мезосферой и сейчас разносился бушующими там ветрами по всему миру. Самолёты больше не летали – пепел забивал воздухоприёмники, оседал на лопатках турбин и быстро выводил их из строя. По этой же причине встал на прикол почти весь наземный транспорт. Мельчайшие частицы пепла не просто напрочь забивали воздушные фильтры, но проникали и в газораспределительные механизмы, блокировали форсунки. В России, расположенной на противоположной стороне земного шара, пока ещё можно было пользоваться двигателями внутреннего сгорания, поэтому уцелевшая в термоядерной бойне бронетехника спешно рассредоточивалась вдоль сухопутных границ. Остатки сто тридцать восьмой бригады брали под контроль государственную границу на участке от

Приморска до Светлогорска. Дальше располагалась зона ответственности восьмидесятой мотострелковой бригады, а ещё севернее границу держали двухсотая мотострелковая бригада и шестьдесят первая бригада морской пехоты. Этих сил, разумеется, было мало для обороны такой огромной территории, но на данных участках боевых столкновений больше не происходило и в ближайшее время не предвиделось.

На линии Ивангород – Псков – Себеж вчера случились две локальные попытки прорыва, но обе натовские группировки были оперативно помножены на ноль, и дальнейшая активность не ожидалась.

В Калининградской области дела обстояли намного хуже. Вялотекущие бои продолжались, и существовал риск потери анклава.

О том, что происходит на южных и восточных рубежах, Потёмкин либо сам не имел представления, либо просто не посчитал нужным озвучивать эту информацию. Зато предупредил о возможном появлении уголовников, частично разбежавшихся из Выборгского СИЗО во время боевых действий. Что интересно, в побег рванулись далеко не все. Некоторые, наоборот, поддерживали немногочисленных росгвардейцев, пытавшихся организовать оборону города. Большая же часть заняла выжидательную позицию и сейчас активно используется на восстановительных работах.

Заодно разведчик поинтересовался потенциальным количеством мест для размещения переселенцев из Санкт-Петербурга и посоветовал вплотную заняться подготовкой к зиме.

Павел доложил, что в населённых пунктах, находящихся в зоне ответственности его отряда, на данный момент можно разместить на зимовку не более ста человек. Но если утеплить уцелевшие дома и срочно построить несколько бараков, то это число можно было утроить. Работники у него есть, леса вокруг хватает, но стекла и кровельных материалов нет совсем. Да и вопрос кормёжки скоро обострится.

Потёмкин пообещал содействие командования бригады и отключился.

В момент, когда над лесом взлетели три зелёных огня сигнальной ракеты, мужчины стояли на крыльце и обсуждали свои планы на ближнюю перспективу.

– О, три зелёных свистка, – первым отреагировал Олег. – Финны пожаловали.

– Через Местерьярви идут, – констатировал Павел. – Быстро добрались, я их только завтра ждал. Давай вооружаться и будем занимать оборону. Тут всего два километра, через полчаса будут.

– Где расположимся? – спросил Олег.

– Давай разделимся: ты оседлаешь тропу, по которой сегодня ходил, а я расположусь на чердаке хозяйского дома, на хуторе. Оттуда железная дорога неплохо просматривается, да и вообще обзор лучше. Дальше действуем по обстоятельствам: либо ты с фланга зайдёшь, либо я.

– Устраивает. Слушай, а ты по-фински хоть что-нибудь знаешь?

– Знаю одно слово: «Йо!» Для беседы этого вполне достаточно.

– И что оно означает? – спросил не на шутку удивлённый Олег.

– Да почти всё. Как «Ку» в «Кин-дза-дза». В зависимости от контекста и интонации это может звучать как возглас одобрения, удивления, недоумения или восхищения. В общем, можно минут десять разговор поддерживать.

– Н-да, для ведения допроса маловато.

– А зачем нам их вообще допрашивать? Узнать, кто их командир и из какой они части? Меня это вообще не интересует. Документы потом соберём да в бригаду передадим.

– Значит, пленных не берём?

– И что мы потом с ними делать будем? Погоним пешком в штаб бригады или зиндан выкопаем? Нет уж, давай сразу стрелять на поражение.

Выбирая оружие, Павел остановился на СВД. Пулемёт вещь хорошая, конечно, но тут явно другой случай. Целей будет не много и, скорее всего, одиночные. А на длинной дистанции снайперская винтовка сподручнее.

В последний момент Павла что-то торкнуло, и он решил прихватить нож. Холодняка у него было много. Тесаки, которыми он работал на участке и брал с собой в лес, отправляясь за грибами, тут не годились. Слишком здоровые и толстые. Чтобы таким пробить верхнюю одежду, нужно иметь бицепсы, как у штангиста. Кортик, оставшийся со службы на флоте, – другое дело. Пробьёт что угодно. Но им можно только колоть. А вот НР-2 (нож разведчика), пожалуй, будет в самый раз. Им одинаково удобно колоть и резать. Плюс длина небольшая, и в руке при любом хвате сидит как влитой. НР-2 у Павла был не совсем настоящий. Завод – тот же самый, Златоустовский. Сталь булатная, особеннойковки. Только гарда отсутствовала, и клинок был немножко короче. Официально, этот нож считался разделочным, лишь конструктивно сходным с холодным оружием. Чего люди только не придумают, чтобы обойти запреты?

Мягкие кожаные ножны также отличались от штатных, предназначенных для резки проволоки. Поэтому Павел не стал крепить их к ноге, а просто повесил на пояс под плащ-накидку.

Выйдя на крыльцо, он несколько не удивился, обнаружив там Олега с АКС на ремне. В данной ситуации каждый из них выбрал именно то оружие, к которому привык.

Предупредив женщин, чтобы сидели дома тихо как мышки и не высовывались, что бы ни случилось, напарники разошлись по заранее оговоренным местам.

* * *

Сигнальная ракета со свистом рассекла воздух за спинами егерей и вспыхнула в небе тремя зелёными огнями.

– Нас обнаружили! – вскрикнул Юхо, крутнувшись на месте. – Стреляли вон оттуда.

Ефрейтор показал стволом автоматической винтовки на крышу домика, приткнувшегося справа от железнодорожной насыпи. – Зачистить?

– Нет! – рявкнул лейтенант, не колебавшийся ни секунды. – Быстро уходим в лес. Нас слишком мало, чтобы отвлекаться на сигнальщика.

Спустившись с левого края насыпи, егеря углубились в лесной массив и почти сразу уткнулись в болото. Под ногами зачавкало.

– Идём вдоль кромки болота параллельно железной дороге, – принял решение лейтенант. – И смотрите мне, чтоб ни одна ветка не хрустнула!

Болото подступало почти к самой опушке, и егерям пришлось пробираться сквозь густые заросли ивняка. Скорость передвижения резко уменьшилась, но звуков погони не было, и напряжение постепенно сошло на нет.

* * *

Забравшись на чердак, Павел подошёл к окну и осмотрелся. Обзор был действительно очень хорошим, но состояние чердачных конструкций оставляло желать лучшего. Доски давно прогнили и не могли оказать ни малейшей защиты от пуль. Как это всё не снесло воздушной ударной волной? Планы приходилось менять на ходу. Отсюда можно было сделать только один выстрел и сразу же ретироваться под прикрытие стен. Старые, давно высохшие брёвна почти полуметрового диаметра обеспечивали надёжное укрытие. Но сектора обстрела из окон не выдерживали никакой критики. Окна выходили во двор. Их можно было использовать для обороны самого дома, но никак не хутора в целом.

Выйдя во двор, Павел провёл рекогносцировку. Приличная позиция обнаружилась за бывшим коровником. С неё хорошо просматривались опушка леса и выгон, растянувшийся

вдоль железнодорожной насыпи почти на двести метров. Требовалось всего лишь перетащить пару брёвнышек и чуть проредить кустарник. С этим Павел справился за несколько минут. Теперь можно было снова подниматься на чердак и приступать к наблюдению.

Почти двадцать минут ничего не происходило. А потом в лесу, протянувшемся за железнодорожной насыпью, раскричались потревоженные кем-то птицы. Павел передёрнул затвор и прицел к прицелу. Три фигуры в камуфляже возникли над краем насыпи почти одновременно. Поймав в прицел крайнюю, он задержал дыхание и медленно потянул на себя спусковой крючок.

Зафиксировав попадание, Павел бросился к лестнице и в ускоренном темпе ссыпался по ступенькам. Пули уже гудели наверху потревоженными осами, оттуда сыпалась труха, и разлетались во все стороны острые щепки.

* * *

Ведя группу вдоль железнодорожного полотна, Эйно не забывал поглядывать вправо. Насыпь тут была совсем невысокой. За ней, на противоположной стороне, пока ещё тянулся лес. Но вскоре он кончился, и над кустарниками показалась крыша какого-то дома. Вокруг просматривались другие, более низкие постройки.

«Дошли! Вот он, дедов хутор!»

– Внимание! – скомандовал он остановившимся вслед за ним егерям. – Сейчас быстро перебегаем железнодорожную насыпь и скрытно пробираемся вон к тем строениям. Вперёд!

Егеря одновременно взлетели на насыпь. Под крышей дома что-то блеснуло. Ефрейтор, бежавший справа от Карьялайнена, взмахнул руками и, уронив на рельсы автоматическую винтовку, опрокинулся на спину. Вслед за этим донёсся звук одиночного выстрела.

Лейтенант прыгнул с насыпи и, упав на колено, начал поливать чердак щедрыми очередями. Через секунду к нему присоединился Халонен. Расстреляв магазины, они прислушались. Ответных выстрелов не было.

– Похоже, что мы его зацепили, – удовлетворённо отметил Карьялайнен. – Выдвигайся справа, от опушки, а я обойду с тыла.

– Будет сделано, господин лейтенант, – отрапортовал ефрейтор и ужом скользнул в заросли кустарника.

* * *

Со стороны железной дороги донёсся хлёсткий звук выстрела.

– «Плётка», – Олег узнал СВД по звуку, и её неофициальное прозвище само слетело с его губ.

– А это, скорее всего, финские автоматические винтовки, – продолжил он комментировать себе под нос звуки выстрелов. – Похоже, что финнов двое осталось. А Павел больше не стреляет. Надо выручать мужика!

Морпех уже бежал через лес, когда от железной дороги прозвучал ещё один хлёсткий выстрел, действительно напоминающий удар плётки.

* * *

Павел стряхнул с плащ-накидки насыпавшийся сверху мусор, перебежал за коровник на заранее подготовленную позицию. Плехнувшись на землю, он дозарядил магазин и осмот-

релся. Стрельба уже прекратилась, испуганные птицы ещё кричали, беспорядочно носясь над лесом, но егжей не было ни видно, ни слышно. Словно растворились в кустарнике.

Ан нет – вон куст шевельнулся, а следом ещё один. Через кусты кто-то полз. Бесшумно, но периодическое колыхание отдельных веток выдавало движение. Павел пристроил на бревно ствол винтовки и прикинул оптику. Сквозь пожелтевшую буквально накануне листву проглядывало что-то тёмно-зелёное. Тёмные, почти коричневые пятна чередовались с тёмно-зелёными, которые, в свою очередь, переходили в светлые, салатные. В летнем лесу такой камуфляж идеален, но сейчас, на фоне жёлтой листвы, он отчётливо выделялся.

Слегка повернув ствол, Павел наконец обнаружил лицо, принадлежавшее молодому парню. Цвет глаз на таком расстоянии было не различить даже в оптику, но крупная бородавка на носу виднелась вполне отчётливо. Павел прицелился точно между глаз и мягко нажал на спуск.

* * *

Услышав выстрел, Эйно, уже успевший пробраться во двор, сориентировался и, стараясь ступать как можно тише, двинулся мимо длинного почерневшего от времени сарая. Выглянув за угол, он увидел стрелка, лежащего к нему спиной всего в нескольких метрах.

Прицелившись в середину спины, лейтенант надавил на спусковой крючок, но выстрела не произошло. Торопясь зайти с тыла, он забыл перезарядить магазин. Сейчас это было делать уже поздно.

Выскочив из-за угла, Эйно приготовился ударить прикладом, но стрелок что-то почувствовал и успел крутнуться через плечо и выставить вперёд приклад собственного оружия.

Винтовка русского оказалась длиннее. Деревянный приклад воткнулся в ногу всего в нескольких сантиметрах от паха. Это сбilo лейтенанту прыжок; удар, нацеленный русскому в голову, пришёлся на землю. Эйно не удержался на ногах и рухнул ничком.

* * *

Павел ничего не услышал, но что-то почувствовал. Резко крутнувшись, он, не выпуская из рук винтовки, перевернулся на спину. На него летел здоровенный финн. Развернуть винтовку Павел уже не успевал.

Время растянулось. Финн медленно набегал на него, замахиваясь какой-то необычной фиговинной, отдалённо похожей на автомат Калашникова. Как если бы к нему сзади костыль приспособили. Приклад СВД поднимался навстречу, нацеливаясь финну между ног. Немножко не попал, но поспособствовал промаху противника. Трубчатый приклад финского автомата воткнулся в землю в десяти сантиметрах от лица. Следом обрушился сам финн.

Теперь время устремилось вскачь. Павел выпустил из рук придавленную финном винтовку и запрыгнул ему на спину. Попытался заломить руку. Ничего не вышло. Тот упруго вывернулся и сам навалился сверху.

Павел успел сунуть руку под плащ-накидку и нашарить рукоятку ножа, но вытащить назад уже не смог. Бугай был одного с ним роста, но в полтора раза шире в плечах. И вдвое моложе. Придавив Павла к земле, финн уперся ему локтем в подбородок, пытаясь отжать его от груди и передавить горло.

Отчаявшись освободить руку, Павел повернул кисть и надавил снизу сквозь плащ-накидку. Тонкое лезвие легко проткнуло несколько слоёв ткани и, больше ничем не сдерживаемое, пошло дальше.

Финн дёрнулся, замер на секунду, что-то неразборчиво простонал, выпуская из груди воздух, и расслабился.

Сбросив с себя обмякшее тело, Павел жадно вдохнул воздух и попытался сесть. Руки дрожали и подгибались.

– Ты как?! – крикнул, выбежавший из-за коровника Олег. – Не ранен?

– Нет, это не моя кровь.

Павел наконец смог сесть.

– Это последний? – спросил Олег, покосившись на неподвижное тело.

– Последний. Их всего трое было. Второй вон там лежит, а самый первый на рельсах.

Будь другом, подтащи их сюда и оружие заодно прихвати. Мне отдышаться надо.

– Сиди уж, отдыхай. Сам управлюсь. Вот, автомат посторожи.

* * *

Спустя полчаса все трое егерей лежали рядком за коровником, а Павел с Олегом копали для них общую могилу. Автоматические винтовки и амуниция были сложены под навесом. Документы Олег сунул во внутренний карман, чтобы потом передать в штаб бригады.

– Слушай, – сказал Олег, когда могила была засыпана. – Тут у одного из них в кармане была фляжка. Видишь, узенькая какая? И не пустая. Давай, выпьем за помин души. Они ведь, мальчишки ещё, в сущности. А их в бой погнали.

– Давай помянем, – легко согласился Павел. Чего уж теперь.

Олег отвинтил колпачок и наклонил над ним фляжку, но вместо коньяка из горлышка посыпался серый порошок.

– Что это за дрянь? – дёрнулся морпех. – Спайс какой-нибудь?

– Дай сюда.

Павел осторожно понюхал порошок, растёр щепотку между пальцами.

– Знаешь, похоже, что это прах. Причём очень старый.

– Чей прах?

– Человеческий, разумеется.

– И что с ним теперь делать?

– Да высыпь прямо тут, – Павел вытряхнул колпачок на землю. – А фляжку отмой хорошенько. В хозяйстве пригодится.

– Пожалуй, так я и сделаю. Давай колпачок.

Олег высыпал порошок на землю, завернул колпачок и убрал фляжку в карман.

* * *

Когда напарники вернулись домой, Олег связался с Потёмкиным и доложил об уничтожении группы егерей. Тот поблагодарил полковников и попросил ускорить работы по подготовке к зиме. Она, мол, уже не за горами, да и первые временные переселенцы из Питера должны появиться буквально со дня на день. Машины со строительными материалами он обещал сопроводить в садоводство к середине завтрашнего дня.

Ночью выпал снег. Было его немного, серый, неприглядный. Потом растаял, конечно, но как-то неуверенно. Температура воздуха держалась в районе плюс двух и к середине дня почти не потеплело. Перистые облака сгустились в единый плотный ковёр и потемнели. Солнце сегодня так и не выглянуло. Павел вспомнил, что за два предшествующих дня тоже ни разу его не видел. Листва, пожелтевшая буквально за несколько суток, активно опадала, усыпая пока ещё зелёную траву.

Олег с самого утра направился в Октябрьское за белорусами. После обеда в садоводство въехала колонна из трёх подержанных иномарок с белорусскими номерами, возглавляе-

мая «Газелью». После размещения строителей в одном из уцелевших домов, Павел поставил каждому из них индивидуальную задачу.

Цемент практически отсутствовал, поэтому о бетонных фундаментах можно было забыть. Но ставить нижний венец прямо на грунт нельзя. Выход нашёлся – бутобетон: кладка из валунов и крупных камней, соединённых в единое целое тощим раствором. Дёшево и сердито. В данном случае учитывалась, естественно, не дешевизна (деньги теперь ничего не стоили, а с новым эквивалентом пока не определились), а наличие материала. Камней вокруг садоводства было в избытке. Ледник в своё время их притащил очень много. Песка тоже хватало: углубись под дёрн на один штык лопаты – и вот тебе песок. Пусть он не самый лучший, с органикой, но для буттового фундамента покатит. Как говорится: «За неимением гербовой, пишем на простой». А если копнуть на пару метров поглубже, то можно встретить очень приличную глину. Не кембрийскую, разумеется, но вполне пригодную для печей. В этом Павел давно убедился на собственном опыте. Свою печку он клал сам, используя для приготовления раствора местные материалы.

Временно взяв на себя функции лесника, Павел показал, какие деревья можно валить, где и как складировать ветки. Озадачив людей, он вместе с бригадиром выбрал места для строительства барачков. Два строителя быстро нашли общий язык и принципиально определились с конструкцией фундаментов и стен зданий. Остановились на сплошном буттовом фундаменте, заглубленном в грунт на полметра, и длинном одноэтажном срубе из расположенных продольно клеток шесть на шесть метров. В каждой клетке решили ставить отдельную печь. Если удастся раздобыть побольше кирпича – с лежанкой. В противном случае – обычную, варочную. Размер топливника решили планировать с учётом чугунной фурнитуры, которую обещал подвезти Потёмкин. Лучше бы на две конфорки. Тогда можно будет использовать более длинные дрова.

С проектированием крыши и кровли решили повременить до прихода транспорта с материалами. В данном случае, конструкцию крыши следовало принимать, отталкиваясь от материала кровли, а не наоборот, как обычно.

Три бортовых тентованных армейских КамАЗа со строительными материалами, сопровождаемые БРДМ-2А, прибыли ближе к вечеру. Последний КамАЗ тащил на прицепе армейскую полевую кухню. Одна из машин была доверху загружена досками (толщиной в пятьдесят миллиметров и дюймовкой), вторая – кирпичом, цементом и известью в мешках. Сверху высилась гора упаковок минеральной ваты. В третьей разместились два ящика стекла, десяток дверных блоков, несколько толстых пачек кровельного профнастила, чугунная печная фурнитура, крепёж, а также лежали рулоны рубероида и полимерной плёнки, предназначенной для пароизоляции, и два десятка застеклённых оконных блоков. Маленьких, скорее всего предназначенных для бань.

– Вы что, Рошинскую строительную базу обнесли? – спросил Павел, после того как обозрел всё доставленное богатство.

– Почему обнесли? – Потёмкин изобразил на лице обиду. – Мы расписку оставили.

– А, ну тогда совсем другое дело, – поддержал его Павел. Это ведь уже, получается, совсем не грабёж, а нормальная экспроприация.

– Нет, – отпарировал мгновенно сделавшийся серьёзным Потёмкин. – Это реквизиция. Неужели не чувствуешь разницы?

– Не чувствую, – продолжал балагурить Павел. – А она есть?

– Точно не знаю, – улыбнулся в ответ разведчик, – но я занимался именно реквизицией.

Как и ты, кстати, с оружием. Покажешь своё «грибное место»?

– Конечно, покажу. Сейчас машины разгрузят, возьмём один КамАЗ и вместе сможемся. Всё равно там это дальше оставлять нельзя. Радиация спадает, так что может кто-нибудь сунуться. А нам, тут в округе, бесконтрольные стволы без надобности. Так что забирайте всё,

что осталось. Но и я ещё несколько автоматов прихвачу. И патронов. Мне людей вооружить надо. Сам же говорил, что могут пожаловать уголовники.

– Прихватишь. А оружие, небось, из форга Ино?

– Оттуда же ещё? Мне там раньше часто приходилось бывать по служебной необходимости. Только я, в отличие от тебя, расписку не оставил.

– Мне напишешь. И, заодно, составим акт о списании утраченного. Оружие, оно любит учёт.

– Что, может быть, и номера будем переписывать?

– Только у того, что у вашего отряда на руках. А списываемое – просто количеством пропишем. Ты ведь всё равно номеров не знаешь.

– Я думал, что уже покончено с бюрократией.

– Бюрократия вечна, она нас переживёт, – задумчиво проговорил Потёмкин. – Но некоторые послабления мы просто обязаны сделать. Так что не тушуйся. А сейчас бери своего начштаба и пошли ко мне в машину. Я вам самого главного руководителя местной власти привез. Обсудите с ним, куда, когда и сколько будете принимать временных переселенцев.

Павел позвонил Олегу, помогавшего разгружать доски, и напарники вслед за Потёмкиным залезли в дверь разведывательной машины. Узнав с первого взгляда сидевшего за откидным столиком поджарого пожилого мужчину с твёрдыми, словно вырубленными из камня чертами выбритого до синевы лица и плотно прижатыми к черепу ушами профессионального борца, Павел поздоровался:

– Здравствуйте, Магомед Мурадханович, а я тут гадаю, что это за представитель власти по наши души приехал? Это вы тут теперь самый главный?

– Ну, здравствуй, Паша, – приподнялся навстречу мужчина, тоже узнавший своего визави. – Ты ведь тогда вроде майором был, а сейчас, говорят, целый полковник. Давненько мы с тобой не виделись. Вот, приехал узнать, кто тут командует на моей земле.

– Земля эта, положим, уже почти четверть века как не ваша, – ответил Павел, поздоровавшись за руку со старым знакомцем. – Да и я уже давно в запасе. А вы так до сих пор и председательствуете в Полянах?

– Куда ж я оттуда денусь! Вот, сейчас разведка меня к вам подбросила, чтобы осмотреться и прикинуть, сколько переселенцев тут можно будет определить на жительство.

Павел пристроился на скамью, потёр руки и сказал:

– Давайте определяться. Но сначала познакомьтесь: мой начальник штаба Олег Михайлов; председатель совхоза Поляны Магомед Рабаданов.

После того как мужчины пожали друг другу руки, Олег приступил к докладу:

– Начну с Октябрьского. Там, по состоянию на сегодняшний день, можно разместить не больше восьмидесяти человек.

– Не нужно про Октябрьское, – оборвал его председатель совхоза. – Это мои земли, там я сам разберусь. Ты мне про коттеджный посёлок и ваше садоводство расскажи.

– Магомед Мурадханович, сбавьте обороты, – Павел произносил слова, практически не повышая голоса, но они звучали предельно жёстко. – Вы когда последний раз были в этом посёлке?

– Ну, месяца полтора назад.

– А Олег три часа как оттуда. Давайте послушаем человека, который этот вопрос уже проработал. А потом можете съездить сами и проверить. Да, раз уж вы там хозяин, думайте, как с белорусской бригадой расплачиваться будем. В дом, который они там построили, можно хоть завтра не меньше трёх семей определять.

– Извини, дорогой. – Рабаданов хлопнул Олега по плечу. – И не обижайся на меня. Нервы. Столько всего навалилось. Продолжай, пожалуйста.

Олег кратко обрисовал обстановку в посёлке Октябрьское, Местерьярви и коттеджном посёлке. Потом подключился Павел. Рассказал о планах по строительству трёх бараков и утеплению летних домиков. Поинтересовался организацией питания переселенцев. Мол, полевая кухня – это очень хорошо, но туда нужно что-то закладывать.

– Мясо, молочные продукты, картошку мы обеспечим, – председатель совхоза на минуту задумался. – Вот с хлебом и крупами тяжелее, но решим как-нибудь по бартеру.

– А что у вас ещё есть? – уточнил Павел.

– Ещё у нас есть навоз. Много!

– Спасибо, добрый человек! – рассмеялся Олег. – Давай мы его до весны у вас оставим.

Если она будет, конечно.

– Погоди, – остановил его Павел. – Человек дело говорит. Тёплые грядки как раз с осени закладывать нужно. Возьмём мы навоз. И много возьмём. Но попозже. Когда переселенцев примем. Они грядками и займутся. Будет весна или нет, я не знаю, но витамины людям потребуются в любом случае.

Пару минут все помолчали. Каждый думал о своём.

– Слушай, – обратился Павел к Потёмкину, – а на твоей базе ещё что-нибудь осталось?

– А чего тебе не хватает? – удивился разведчик. – Мы вроде всё взяли.

– Половая доска нужна. Кубов двадцать. Кирпич. Можно любой, кроме силикатного – мы его на столбики под лаги пустим. Профнастила вы очень мало привезли. Его и на две кровли не хватит. И ещё кое-что по мелочам. Я тебе список напишу.

Председатель совхоза задал сильно волновавший его вопрос об уровне радиации. В Приветненском, где раньше располагалась часть совхозного стада, он был пока ещё очень высок, да и центральную усадьбу в Полянах основательно зацепило краем радиоактивного следа проходящего мимо облака.

Потёмкин успокоил его, сообщив, что сейчас тут почти чисто (всего около восьмидесяти микрорентген в час). Это в два раза больше предельной нормы для гражданского населения, но для здоровья практически безопасно. Поэтому и принято решение вывозить людей из Санкт-Петербурга именно в такие места, которые не затронуты следами прохождения облаков, несущих продукты деления и распада. Подобных участков в Ленинградской области осталось немного. Чуть дальше на север (в Карелии) вообще чисто, за исключением некоторых районов, но там и инфраструктуры никакой нет. А в чистое поле неподготовленных людей зимовать не повезёшь. Не выживут они в этих медвежьих углах в условиях тотального бездорожья. Вот и приходится максимально уплотнять населённые пункты Карельского перешейка. Начали с санаториев, домов отдыха, детских оздоровительных лагерей и турбаз. Сейчас пришла очередь садоводств и коттеджных посёлков. Куда расселять остальных – пока вообще не ясно. Всего из Санкт-Петербурга надо эвакуировать почти миллион человек.

Капитан замолчал. Остальные тоже не подавали голоса, ошарашенные прозвучавшей цифрой. Они знали, что до начала военных действий население города превышало пять миллионов человек.

* * *

Смеркалось теперь рано, поэтому на полигон поехали уже по-тёмному. Перед этим Потёмкин переписал номера оружия и реквизировал один из двух оставшихся гранатомётов. Хотел забрать оба, но Павел убедил его, что времена стоят смутные, поэтому пусть железяка пока полежит у него в погребке. Будем, мол, надеяться, что не пригодится, но бережённому бог бережёт.

Зато оружейный склад Потёмкин выгреб под метёлку. Забрал даже ветошь. Столы и табуретки Павел попросил завезти в садоводство. Люди ведь приедут вообще без мебели, и им пригодится даже такая неказистая.

* * *

На следующее утро, выдавшееся необычайно холодным (температура упала до нуля), в садоводстве закипела работа. Павел не понаслышке знал поговорку о том, что два солдата из стройбата заменяют экскаватор, но видеть белорусов на земляных работах ему ранее не доводилось. В стройбаты в основном набирали представителей Средней Азии. Тут же он был приятно поражён. Белорусы могли заменить небольшой экскаватор в одиночку. Траншеи были отрыты уже к обеду. Наскоро перекусив, половина бригады приступила к кладке бутобетонных фундаментов. Остальные валили лес.

Берёзы уже почти все стояли голые, без листвы. На рябинах, пока ещё сохранивших покрасневшие листья, горели огнём гроздьё спелых ягод. Ветер безостановочно гнал над головой сонмы тяжёлых туч. Пока с них ничего не сыпалось, но чувствовалось, что до этого уже осталось совсем недолго. Поэтому подгонять не требовалось никого. Все понимали, что осень в этом году будет очень короткой и совсем скоро наступит необычайно холодная зима. А до этого надо успеть закончить строительство.

Проект барачков Павел обсуждал с бригадиром прямо по ходу их строительства. Иногда они сразу приходили к приемлемому для обоих решению, в других случаях спорили до хрипоты.

Один раз Павел «немножко» поспорил с бригадиром насчёт уклона крыш. Тот настаивал на большом уклоне, мотивируя это тем, что снег должен сползать с крыши самостоятельно, на что Павел возражал:

– Пусть лежит, так в бараках теплее будет. Да и расход материалов окажется существенно меньше.

– Как это меньше? – горячился бригадир. – Снеговая нагрузка увеличится!

– Зато ветровая нагрузка уменьшится. А снеговую мы изначально учтём в расчётах. Тем более что она вся придётся на мауэрлаты. По СНиП в нашем районе снеговая нагрузка может достигать двухсот сорока килограммов на квадратный метр, но эта зима будет не в пример жёстче, поэтому сразу заложим в расчёт полтонны, как в Якутии.

– При маленьком уклоне вода во время ливня будет затекать через стыки!

– Мы будем использовать профнастил, а не черепицу. Там нахлёт листов значительно больше. И по нормам разрешается уменьшать угол наклона до восьми градусов. Но мы с тобой будем действовать без фанатизма и примем уклон в пятнадцать градусов. В этом случае отсутствие протечек гарантировано.

– Но ведь тогда нам придётся делать сплошную обрешётку!

– Естественно. У нас ведь чердачного перекрытия вообще не будет.

– Как это не будет? А утеплитель мы что, в воздухе подвесим?

– Нам дюймовки хватит на что-то одно. Либо чердачное перекрытие, либо обрешётка.

Поэтому делаем сплошную обрешётку и подвешиваем к ней снизу минераловатные плиты в «чехле» из пароизоляционной плёнки.

– Провиснет всё!

– А ты подложи снизу под плёнку обрезки от досок в шахматном порядке, да притяни их к обрешётке проволочными скрутками.

В процессе получасовой «дискуссии» Павел чуть не сорвал голос, но, в конце концов, сумел убедить упрямого белоруса.

В течение последующей недели в садоводство ещё дважды подвозили доски, но на обрешётку третьего барака их всё равно не хватило. Пришлось разбирать частично разрушенные домики. При кладке бревенчатых стен вместо пакли использовали мох. Им же закладывали припуски на усадку над дверными и оконными коробками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.